

РОСТЁР

сентябрь

1956

ВОСТЁР

3

СЕНТЯБРЬ ★ 1956

Ежемесячный детский журнал

Ц К В Л К С М И С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

С Н О В А В Ш К О Л У

В косах ленты, передник белый
Ослепительной чистоты, —
В школу девочка входит смело,
И в руках у нее цветы.

Гордый школьной нарядной формой,
Рядом с ней идёт ученик.
Поглядим, кто будет укорней,
Что покажет потом дневник.

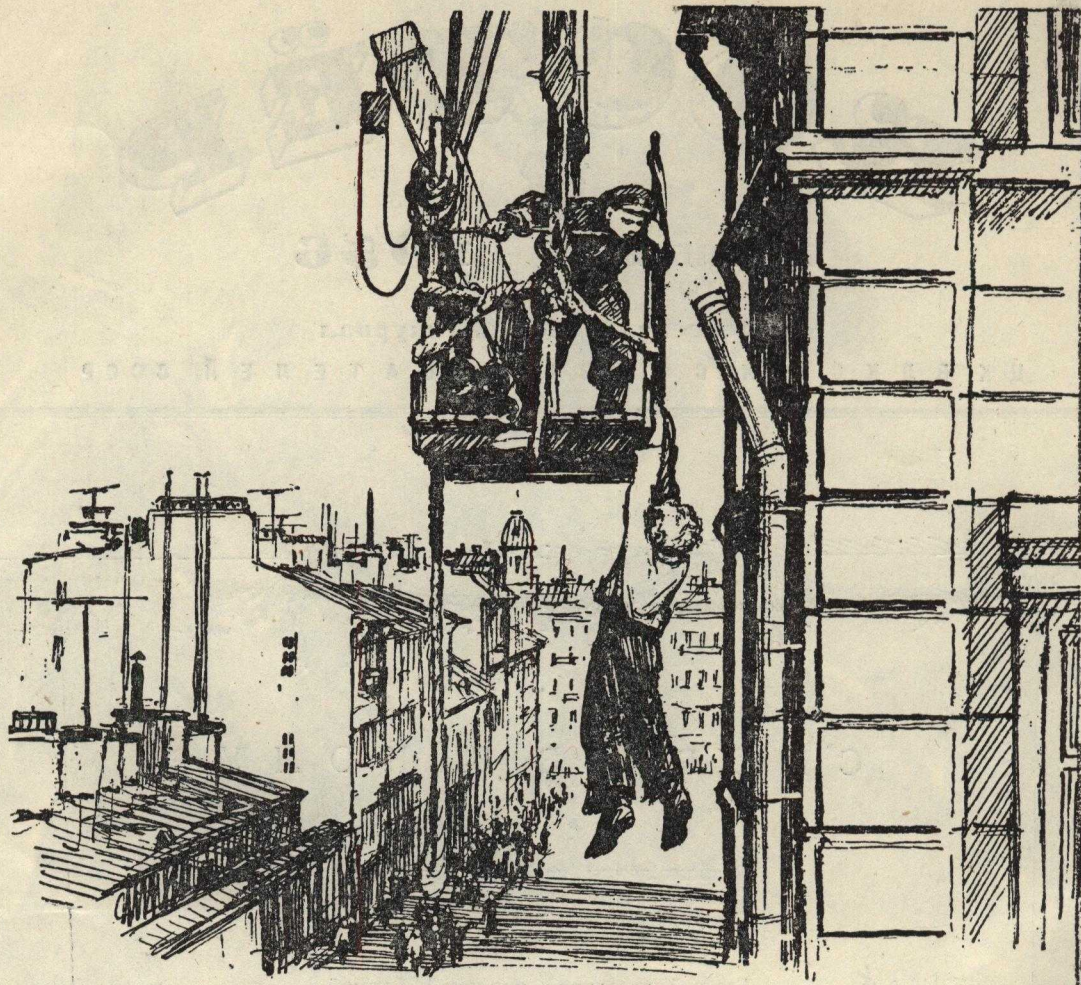
В светлом классе их встретит карта
Необъятной страны родной.
Сколько лет им сидеть за партой,
Даже, может быть, за одной!

Вот звонок — и не слышно смеха,
Все пошли по местам своим.
Крепкой дружбы, больших успехов
Пожелаем сегодня им!

Леонид Хаустов

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Ленинград 1956

В Ы С О Т А

А. Виноградов

Рисунок А. Карасика

Больше всего на свете Мишка боялся высоты. Уже год он работал кровельщиком, а к строительной люльке привыкнуть не мог. Едва только поднимался он до третьего этажа, сразу садился на дно, крепко хватался за бортовые доски и закрывал глаза.

Бесстрашным мастером люльки прослыл сухощавый, долговязый Санька; он вместе с Мишкой в прошлом году окончил школу ФЗО, вместе пришли они на стройку. Санька чувствовал себя наверху, как дома. А Мишка уверенно ходил только по земле. Даже на плоской крыше он привязывал себя веревкой к ближайшей дымовой трубе.

Весной рабочих-кровельщиков всегда не хватает, и Санька с Мишкой самостоятельно ремонтировали кровли и навешивали водосточные трубы на большом шестиэтажном доме.

Санька поднимался в люльке, шлямбуром долбил дыры в стенах, вгонял туда деревянные пробки, заколачивал стремена-ухваты и крепил на них водосточные трубы. Его рыжая голова одиноко торчала над досчатыми бортами. Мишка оставался внизу, делал отметы у стояков, подавал сцепленные звенья труб наверх своему товарищу и, стуча деревянным молотком по упругим листам железа, заготавливал новые подоконные отливы и сандрики.

Старый мастер Иван Никандрович одобрительно кричал:

— Молодцы, ребята! По первому классу работа. Правильная. Наше дело ответственное — неустроенность людской жизни выправлять.

В погожий весенний день после обеда люльку перетащили к окнам. Мастер ушел в другую бригаду. Санька прилаживал подоконник на третьем этаже. Мишка поглядывал с земли, как ловко управляется товарищ, и ему стало весело от мысли, что сегодня они закончат ремонт.

Санька приколотил подоконник. Мишка только взялся за канат, чтобы поднять люльку, а Санька уже вскочил на борт, вытянулся и быстро-быстро застучал молотком по карнизу над окном, прикрепля сандрик.

У Мишки дух захватило — под Санькиными ногами люлька накренилась и отошла от стены.

— Слазь в люльку! — крикнул Мишка. — Упадешь!

— Не на небо, а на землю, — донеслось сверху.

— Мастер идет! — еще звонче крикнул Мишка.

Санька мгновенно слетел с борта в люльку, оглянулся — мастера нет. Парень демонстративно свесил наружу ноги в порванных штанинах и закурил.

— Чего врешь, тюлень? Сам трус, так думаешь, и другие боятся.

Мишка обиделся. Почему тюлень? Мишка только по крыше ходил медленно. Пусть бы попробовал Санька угнаться за ним на земле!

После обеда люльку перетащили к водосточному стоку.

Иван Никандрович пришел с двумя женщинами-подсобницами, сам опробовал, как ходят канаты, прочно ли держится люлька, и сказал ребятам:

— Немного одни поработайте, меня снова вызывают, и чтоб без баловства! Станете баловать — головы сниму!

— Будет порядок, — ответил Санька, подмигнув товарищу. Мишка, задрав голову, посмотрел на высокий карниз крыши, на плывущие по небу облака и вздохнул.

— Боишься? — мастер положил крепкую мозолистую руку на плечо Мишки, — ничего, привыкнешь. Высота, она не сразу дается. А то, смотри, переходи в мастерскую.

— Нет, мне здесь больше нравится.

— Верно. У нас главная работа. Венец

всему делу. Не будь ее — и стенам, и фундаменту каюк. Понял?

Когда мастер ушел, Санька заявил:

— Ты лезь наверх, на крышу, кровлю выправь.

— Одному несподручно. Вдвоем бы...

— Еще чего! С тобой и на второй этаж подниматься тошно.

— Только ты здесь не выкомаривай, а то мастеру скажу.

Мишка захватил моток прочной веревки, инструмент, вылез через слуховое окно на крышу дома, привязал себя к дымовой трубе и спустился к парапету, где были установлены козлы.

Взгляд его невольно скользнул вдаль, по крышам домов, по бесчисленным трубам, по реке, широкой и быстрой, по лесу за рекой, который сливался на горизонте с пепельной дымкой неба.

Мишке вспомнилось, как они ездили за город в прошлом году, вернулись с полной корзиной крепких белых грибов, а Санькина мать сварила им такой суп, какого Мишка не ел ни разу в жизни. У Мишки не было родных. Все погибли во время войны. Санькиного отца убили на фронте. Остались они вдвоем, Санька и мать.

— Уснул, что ли? — грубовато прикрикнул Санька. Его голова показалась над крышей. — Дуй сюда, лоток выправь и помоги воронку ставить.

Мишка встрепнулся, осторожно подобрался к карнизу. Одной рукой держась за козлы, застучал молотком по лотку; по нему должна стекать в воронку вода. Высокие и упругие борта расплзались. Санька ругался:

— Лучше правь. Двумя руками работай. Ну, отпустишь, тюлень. Эх, не получится из тебя кровельщика! Боишься!

Мишка молчал. Что он мог сказать, если действительно боялся высоты? Он ожесточенно колотил молотком по железу, выправляя фальцы. Когда Санька укрепил воронку и спустился в люльке ниже, Мишка пополз наверх, к коньку, латать крышу.

Работы было не особенно много. Мишка справился быстро и уселся на нагретую солнцем кровлю.

Приятно обдавало холодком. Он смотрел туда, в немую даль горизонта и, казалось, видел зеленый лес, прямые просеки с малинником и жгучей крапивой. Мерно скрипели снасти в блоках. Ветерок гнал по крыше сухую шепу; видно, она осталась от прошлогоднего ремонта.

Снизу, со стороны фасада доносился веселый Санькин свист.

Вдруг козлы вздрогнули и снизу донесся истошный крик.

Мишку подбросило, будто на пружинах. Сердце зашлось от страшной мысли. Мишка съехал на задку к козлам, взглянул на блок и охнул: канат, державший люльку, выскочил из желоба блока. Мишка схватился за козлы, перегнулся через парапет. Пустая люлька сиротливо раскачивалась между четвертым и пятым этажами. Внизу бегала женщина и что-то кричала.

«Где же Санька?» Мишка еще больше перегнулся через парапет и тут увидел рыжую вихрастую голову товарища. Санька, уцепившись руками за бортовую доску люльки, висел между стеной и сорванной трубой стояка, беспомощно болтая ногами. «Сейчас сорвется! — вихрем пронеслось в голове. — Что делать?»

Мишка кинулся к козлам, с отчаянием застучал по канату, — из-под него выскочила вдруг щепка, и канат еще прочнее улегся на ось. «Нет, люльку не опустишь». Мишка вытер вспотевший сразу лоб и заметался по крыше. Снова перегнулся через парапет, схватился рукой за веревку. «Эх, если б по ней!» Подумал и испугался. «Высоко. Сорвешься». Он мят в руках веревку и не мог отвести глаз от лохматой рыжей головы и странно тонкой, почти детской шеи.

— Держись, Санька! Крепко держись! — Мишка решил. Он подергал для верности веревку, сбросил ее вниз и, тяжело дыша, перелез через парапет. Вниз глядеть нельзя, это Мишка хорошо знал. Он повернулся лицом к крыше. Лег животом на карниз.

Поймав ногами веревку, он зажал ее между колен и осторожно спустился ниже. Карниз давил уже только грудь. Дальше — пустота. Стало страшно. Сердце стучало так, что, казалось, от его стука грохочут железные листы на крыше, в ушах звенело.

Высокий желоб резал бок, ветер мотал внизу веревку. А спускаться надо.

Мишка сполз с карниза.

Веревка, раскачиваясь, скользила между колен, ладони горели, пальцы в суставах запыли от напряжения.

Перед глазами медленно поднялось окно. Мишка почувствовал, что руки его слабеют.

Он ступил на подоконник. За стеклом уютно стояла у стены кровать, а посреди комнаты накрытый скатертью стол, точь в точь, как у Санькиной матери.

Мишка засопел и слез с подоконника. Короткий отдых не прибавил сил, пальцы задеревенели. Мишка двигался рывками, тяжело, а до четвертого этажа еще далеко. «Ослабну. Полечу», — подумал он.

— По стенке держись, — раздался сверху знакомый, чуть хриповатый голос. — Не болтайся в воздухе, Мишка. Веревку вокруг ноги оберни. Не жми коленями!

Мишка повис на руках, нащупал веревку, так же наощупь обвил ее вокруг ноги и коонец подвернул под ступню, а правой ногой прижал ее сверху. Рукам стало легче. Мишка ослабил занемевшие пальцы. Он поднял голову и увидел над карнизом покрасневшее усатое лицо Ивана Никандровича.

— Правей держи, — командовал тот, — быстрее перебирай ногами. Не толкни люльку. Ух, черти полосатые!

Мишка сполз мимо выдранной из ухвата трубы.

Санька не поднимал головы.

— Держись!

— Держусь, — прошептал Санька, и от этого шопота у Мишки засосало под ложечкой.

— В люльку спускайся! Хватай его крепче, — совсем охрипшим голосом кричал Иван Никандрович, — быстрее!

Мишка, словно кошка, мягко скользнул в люльку, перегнулся через борт, уперся в него коленями и схватил за руки товарища.

— Не могу больше, — прошептал Санька.

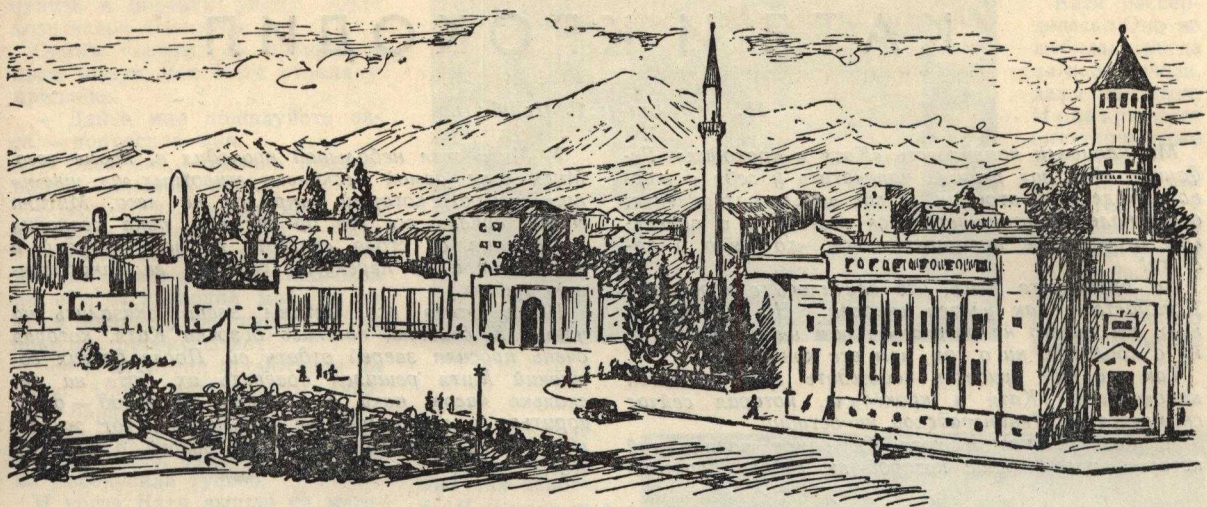
Мишка увидел, как медленно разжимаются побелевшие пальцы товарища, и тут же почувствовал нарастающую тяжесть. «Не удержу!»

— Что смотришь? — рявкнул Мишка. — Хватайся!

На земле охнули.

Санька очнулся, вцепился в Мишкины руки, а Мишка, напрягаясь всем телом, рванул его на себя, и они вместе тяжело плюхнулись на дно люльки.

— Сухой, чорт, а весу в тебе... — облегченно вздохнув, сказал Мишка.

ДЕТИ АЛБАНИИ

Петрит Мезези

Рисунки Р. Хасиевой

Автор этих стихов — молодой албанский поэт Петрит Мезези — родился в 1930 году в столице Албании городе Тирана. Еще будучи школьником, в 1948 году он опубликовал в газетах и журналах свои первые стихи. В 1950 году на национальном конкурсе молодых поэтов Албании он был удостоен второй премии. В том же году Мезези был направлен на учёбу в Ленинградский Государственный университет, который он окончил в 1955 году. Сейчас Петрит Мезези живет и трудится на родине.

Здесь печатаются несколько стихотворений Мезези в авторизованном переводе поэта Игоря Ринка.

Почтальон

В гости звать его не надо,
Он всегда приходит сам,
В толстой сумке носит
радость
По окрестным адресам.
Нынче он во всем квартале
Только в нашу дверь стучит,
Это мне письмо прислали
Пионеры — москвичи!

В доме пионеров

Есть в нашей Тиране
Дом пионеров.
Там класс вышиванья,
Кружок инженеров,
И юных танцоров
И юных артистов,
Шоферов,
Боксеров
И кавалеристов.
С работой знакомят
Здесь юных хозяев,
Но нет в этом доме
Кружка... для лентяев!

Охотник

Вы не думайте, ребята,
Что Хасан — охотник смелый,
Что лисицу в час заката
Он выслеживал умело.
Не поставил он капкана
На тропе, где бродят волки.
Нет собаки у Хасана
И охотничьей двустволки.
Только в школе на уроке,
Дичь заслыша чутким ухом,
Он линейкою широкой
Бьет уверенно по мухам.
И гордится сам собой
Знаменитый мухобой...
Так с линейкою в руке
Вдруг попал Хасан к доске.
Не найти ему ответа,
Не дождался он подсказки.
По нему в минуту эту
Мухи бродят без опаски.
Не добыл охотник дичи,
Не принес убитой птицы.
В сумке нет иной добычи,
Кроме жирной единицы!

КАТЯ И КРОКОДИЛ

Н. Гернет и Г. Ягдфельд

Мы написали киноповесть «Катя и крокодил». Редакция «Костра» решила напечатать у себя в журнале маленький отрывок. И вот вышло затруднение: в журнале не помещается вся повесть, а в маленьком отрывке не помещается все, что было в повести!

Вы прочитаете здесь, что случилось с черепахой. Догадаетесь, как улетел скворец. Но, к сожалению, мы ничего не расскажем вам ни о крокодиле, ни о кроликах, ни о том, чем все кончилось.

Так что вам придется подождать, пока появится кинокартина «Катя и крокодил», которая сейчас снимается на Ленинградской киностудии.

А пока расскажем хотя бы самое начало той истории, продолжение которой вы сейчас прочтете.

У Мити жил небольшой крокодил и, кроме того, Митя взял домой несколько животных из школьного уголка, который закрылся на лето. Митина мама терпела все это до тех пор, пока крокодил не стащил со стола скатерть со всей посудой и завтраком и не перекусил пополам ее лакированную туфлю.

После этого все митины звери оказались на улице. К счастью, нашлась девочка Катя, которая очень просила зверей отдать ей. После долгих сомнений Митя решил доверить их Кате на несколько часов, пока он съездит за город — договориться с приятелем, не возьмет ли тот животных. Митя и Катя притащили зверей в комнату Кати.

* * *

— Пиши расписку, — сказал Митя.

Катя вырвала страничку из тетради по арифметике, почистила перо.

Митя диктовал, а она писала, стараясь делать как можно меньше ошибок и клякс.

Потом она подписалась: Катя. Но Митя сказал, что нельзя писать «Катя», а надо — «Екатерина», потому что это документ. Тогда Катя подписалась, как надо, и протянула Мите расписку:

Расписка.

Кроликов ангорских два, черепаха Эмида европейская одна, крокодил Нильский один, Стурнус Вульгарис, скворец говорящий, один. Приняты на сохранение, обещаю вернуть в целости и сохранности школьное имущество 301 школы.

Пастухова Екатерина.

Митя аккуратно промокнул чернила на расписке, сложил ее вчетверо и засунул в карман. Потом протянул Кате бумажку.

— Это рацион для кроликов, — объяснил он. И стал бормотать, заглядывая в бумажку:

— Сено было... одуванчики ели... корнеплоды есть?

— Нет, — прошептала Катя испуганно.

— Тогда дашь овес.

— Хорошо, — сказала Катя.

— Ну, я поехал. Скоро вернусь. Смотри!

— Я буду смотреть. Я хорошо буду смотреть! — уверила его Катя. Она закрыла за ним дверь и осталась одна среди зверей.

Отрывок из киноповести.

Потом Катя побежала на кухню. Она перетряхнула все кульки и баночки, заглянула во все мешочки и во все ящики. Овса в доме не было. Надо было бежать в магазин.

Катя достала денег из копилки и уже повернула к двери.

— Пиши расписку!

Вот бы ахнули девочки, если бы увидели Катю с крокодилом! А особенно Лилия! И особенно Таня! И особенно...

Но девочек не было, и Катя взялась за дело. Она снесла ящик с крокодилом в ванную, открыла кран и вытряхнула крокодила. Он шмякнулся в воду, обдав Катю брызгами. Она засмеялась.

— Озорник! Не скучай, я скоро приду!

Она пошла обратно. Налила скворцу в мисочку свежей воды.

— Пей, птиченька! — сказала она.

— Здравсьте! — крикнул скворец.

Мальчик с макаронами.

Но тут Милка заворочалась на постели. Катя испугалась: как оставить Милку одну со зверями? Ей нельзя доверять!

Но Милка снова сладко заснула, и Катя решила: не проснется! До магазина было недалеко. Надо пробежать мимо парикмахерской, инкассаторского

пункта и перейти улицу возле кинотеатра «Нептун».

Одним словом, не прошло и пяти минут, как Катя стояла у прилавка.

— Дайте мне пожалуйста овса, — попросила она.

— Овса нет, — сказала продавщица, — овсянка есть.

— Ну, тогда, пожалуйста, овсянки, — сказала Катя. — Для кроликов. Знаете, у них такой рацион. А вот моя черепаха овса не ест. А крокодил мой, вы не представляете, он даже туфли пополам перекусывает!

Все покупатели посмотрели на Катю. Один мальчик, со связкой баранок и кулком макарон, подошел к Кате и так уставился на нее, будто это она сама перекусила туфлю.

И когда Катя вышла из магазина, мальчик пошел следом за ней. Он шел и жевал баранку, не спуская глаз с Кати.

Катя очень спешила. Она перебежала через улицу, свернула за угол и поравнялась с кинотеатром «Нептун». Люди туда шли толпой.

И вдруг Катя увидела, что в двери «Нептуна» входит Таня! Самая лучшая Катина подруга.

— Таня, стой! Что я скажу! — крикнула Катя. Но Таня уже скрылась в дверях.

Что же это? Значит, она так и не узнает про катиных зверей? Конечно, зайти после сеанса не догадается, а у Кати нет теперь времени бегать по гостям.

Хороша дружба! Иметь дома живого крокодила и не показывать лучшей подруге даже кончика хвоста!

Подумав так, Катя бросилась вслед за Таней.

— Билет! — сказала контролерша и попыталась схватить Катю за пелеринку, но не успела. Катя проскользнула мимо нее и скрылась в толпе.

— Таня! Татка! Карликова! — кричала она. Но люди вокруг шумели, и Таня ее не слышала.

Мальчик с макаронами и баранками, который шел за Кате, тоже вошел было в кинотеатр. Но когда у него потребовали билет, он молча повернул обратно, вышел на улицу и прильнул к стене рядом со входом. Снял со связки вторую баранку и стал не торопясь жевать ее.

Раздался звонок, и люди двинулись в зал. Катя заметила, что Таня сядила у стенки, и пробралась к ней.

Лилия

— Таня! — сказала она. — Ох, мне так некогда! Я не могу за тобой бегать, у меня звери...

И она начала быстро рассказывать самое главное. Но тут погас свет.

— Садитесь! — зашипели на них сзади.

Девочки уселись вдвоем на одном стуле.

Тогда заворчали соседи сбоку, что пускай девочки не толкаются и ведут себя прилично.

Таня осталась на стуле, а Катя уселась на корточки у стены и стала быстро рассказывать.

Но тут рассердились соседи впереди и сказали, что им мешают слушать, хотя слушать было нечего, потому что на экране шли пока только подписи. Впрочем, Таня уже все поняла:

— Крокодил? — прошептала она. — Говорящий? Бежим!

И они стали пробираться к выходу. Теперь на них шипели со всех сторон. А мальчишка, сидевший с самого края, дернул Катю изо всех сил за волосы.

Так добежали они до дверей, и тут-то начались настоящие неприятности. Билетерша наотрез отказалась открыть двери.

— Кончится «Золотая рыбка», тогда уходите, — шипела она. — А теперь нечего!

Девочки испугались: на экране старик только еще собирался закинуть невод в синее море!

Билетерша ткнула пальцем на свободные стулья:

— Садитесь!

Шура

показывать мне «Золотую рыбку», а должны вывести меня из зала! А вы не выводите, как вам не стыдно!

— Как это безбилетная? Покажи билет! — растерялась билетерша.

— А вот нет билета! — гордо прошептала Катя, и билетерша, не найдя, что сказать, молча открыла дверь. Девочки выбежали из кино.

Мальчик с баранками отделился от стены и пошел за ними.

* * *

Пока Катя покупала овес, Милка спокойно спала.

Крокодил плавал в ванне, скворец прыгал в клетке и кричал «шагом марш» пролетающим мухам. Кролики догрызали последние одуванчики, словом, все было тихо и мирно.

Но как раз в тот момент, когда Катя вошла в кинотеатр «Нептун» — луч солнца упал на Милку. Милка во сне отмахнулась от него, но это не помогло. Милка потеряла глаза кулаком, чихнула и проснулась.

Сперва она долго жмурилась и потягивалась. А потом открыла глаза, как следует.

Тут она увидела кроликов, птицу и черепаху!

Милка прыгнула с кровати и подбежала к зверькам.

Ей было пять лет, и она не очень задумывалась над тем, откуда взялись эти существа и почему они оказались в комнате. Просто радовалась, что они есть.

Милка присела на корточки перед кроликами и просунула палец в клетку.

— Шагом марш! — крикнул скворец.

Милка посмотрела на него и кивнула головой. Она сразу поняла: это птица играет в детский сад, будто она воспитательница, и командует строиться на зарядку.

— Хорошо, — согласилась Милка.

Она встала, как на зарядку, и зашагала по комнате. Она ждала, когда «воспитательница» командует «стой» и начнет упражнения. Но скворец и не думал командовать «стой». Он вдруг прыгнул в миску с водой и затрепыхал крыльями. Во все стороны полетели брызги.

Милка очень рассердилась:

— Так мы еще зарядку не сделали, а ты уже мыться! — закричала она. — Ну тебя, ты не

— Здравствуйте, дети! — важно сказала Милка кроликам и черепахе.

Потом она захлопала в ладоши: — Дети, на прогулку! — командовала она воспитательским голосом. Открыла клетку и помогла кроликам выйти.

Кролики запрыгали по комнате. Один спрятался под кровать, а другой — под катин столик.

— Дети, не разбегайтесь! — кричала Милка, но они не слушались.

Милка открыла клетку и скворцу, но он не хотел вылетать.

— Посмотрите, как этот мальчик копается! — сказала Милка в негодовании.

Милка сама вытащила скворца из клетки. Она и не подумала о том, что форточка была открыта. Скворец вырвался у нее из рук и стал носиться, где хотел. Милка ничего не могла с ним поделать.

Самой послушной оказалась черепаха. Когда Милка вытащила ее и положила на пол, она втянула голову в панцирь и тихо лежала на полу.

— Вот умница, хорошая девочка, — похвалила ее Милка. Она уложила черепаху в кроватку самой большой куклы, укрыла одеялом и подоткнула его со всех сторон.

Черепаха куда не убегала. Она нравилась Милке все больше и больше.

— Ты будешь моя дочка, — сказала Милка. — А с вами — обернулась она к кроликам, — я больше не играю.

Милка поправила на черепахе одеяло.

— Спи, доченька, спи! — сказала она. И спела черепахе песню «Москва-Пекин».

* * *

Девочки очень спешили. Кате надо было кормить кроликов. До ее дома было уже совсем близко. И вдруг Таня повернула на другую сторону улицы.

— Ты куда? — спросила Катя.

— Так она же там живет!

— Кто?

— Да Лилия же!

— А мы разве к Лиле? — спросила Катя.

Таня даже остановилась посреди мостовой.

— А ты что думаешь? По-твоему, Лилию не позвать — это красиво? Когда к ее сестре артистка Жукова приходила, так она сразу за нами прибежала, а мы от нее крокодила спрячем? Красиво, да?

Кате стало стыдно. По правде сказать, ей и самой хотелось, чтобы Лилия увидела ее зверей. И она сказала:

— Ладно, только поскорее, а то уже время кроликам давать рацион.

Для скорости они не стали подниматься к Лиле на шестой этаж и прибежали во двор. Двор был большой и очень шумный: в одном углу пилили дрова, в другом выколачивали ковер, а посредине играли в волейбол. Вдобавок, из всех открытых окон неслись звуки радио.

Девочки подняли головы к лилому окну и разом крикнули: — Ли-и-иля!

Но Лилия не появилась. Они крикнули еще раз, и опять ничего не вышло. Когда они набрали воздуха, чтобы крикнуть в третий раз, из-за их спин раздался оглушительный рев:

— Ли-и-илька!

Это орал мальчик с макаронами. И тотчас же лилина голова высунулась из-за горшков с цветами.

— Лилия! Скорей! Что у меня есть! — кричала Катя снизу.

— А? Что прочесть? — кричала Лилия сверху.

— Скорей! У меня звери!

— Что? Открыть двери?

Катя и Таня с отчаянием посмотрели друг на друга, а потом на мальчика с баранками. Он сразу понял, что от него требуется. Переложил кулек с макаронами в другую руку, расправил грудь и заорал:

— О! Увеличительное стекло.

умеешь! Лучше я буду воспитательница, а ты...

И чтобы скворец уступил ей роль воспитательницы, Милка придумала для него другое интересное:

— Ты будешь дежурный по столовой — хочешь?

— Здравс-те! — крикнул скворец.

— Хочь фантики!

— Идичесажекрокодиласмо-
треть!

— Иду! — немедленно отклик-
нулась Лилия.

Но когда они выбежали на
улицу, Лилка заявила, что без
Шуры она не делает ни шагу.
Кролики не умрут, а Шура
смертельно обидится. И так под-
руги не поступают. И пусть она
провалится на этом месте, если
Шура сейчас не сидит на буль-
варе и не читает «Всадника без
головы».

Девочки вихрем понесли на
бульвар. Мальчик с макаронами
молча несся сзади, жуя на ходу
третью баранку.

Шура действительно сидела на
скамейке между молоденькой
нянькой и спящим старичком и
читала им вслух «Всадник без
головы» Майн-Рида.

— А что я вам говорила? —
торжествовала Лилка. — Шура,
слушай, что я скажу, ты сейчас
умрешь!

Но Шура не умерла. Зато чуть
не умерла ее соседка, нянька с
грудным младенцем на руках.
Пока девочки наперебой рас-
сказывали о крокодиле и сквор-
це, она ахала и в волнении под-
брасывала младенца все выше и
выше. Так что если бы рассказ
продолжился еще немного, бед-
ный младенец очутился бы на
дереве.

— Не врешь? — спросила нянь-
ка. — А ну, пошли!

И поймав на лету младенца,
соскочила со скамьи. Они все
побежали: ведь уже было время
кормить кроликов.

* * *

Милка выкатила на двор ку-
кольную коляску, в которой ле-
жала черепаха, укрытая одея-
лом.

— Не высовывайся, а то про-
студишься! — строго сказала Мил-
ка и покатила коляску.

Черепаха забарахталась и по-
ползла на подушку.

— Не шали! — сказала Милка
и стала запихивать ее обратно.
Но вдруг отдернула руку:

— Ай!

Черепаха укусила ее за палец.
Милка обиделась:

— У, какая-то! — сердито ска-
зала она.

Подшел знакомый мальчик
Лева, с другой улицы.

— Ого! — сказал он, глядя на
черепаху. — Это да!

— Противная! — сквозь слезы
сказала Милка.

— Где взяла?

— Нигде. Она сама взялась.

Вот не будешь больше моей доч-
кой, раз ты такая!

— Давай меняться на маг-
нит, — предложил Лева.

— Не хочу, — сказала Милка.
— Полторы ножицы хочешь?

Еще можно резать.

— Нет, — сказала Милка.

— Ну, что хочешь?

Лева вывернул карманы и вы-
сыпал свои сокровища прямо на
землю. Они присели на корточки
и стали рыться. Лева показывал
Милке то одно, то другое и рас-
хваливал каждую вещь.

— О! Увеличительное стекло,
лупа называется. Что захочешь,
можешь поджечь.

— Не, — мотала головой Милка.

— Или — во! Гвоздь. Знаешь,
какой это гвоздь? На нем фото-
аппарат висел.

— Не, — говорила Милка. Лева
не унывал:

— Ну, так и быть, бери гирь-
ку от ходиков. Как золотая.

— Нет.

— Гляди: хочешь — стоит, хо-
чешь — лежит. Вот это вещь!
Верно, хорошая?

— Плохая, — сказала Милка.
И вдруг ее глаза загорелись.

— А что там, в коробочке,
красненькое?

Лева махнул рукой:

— Ерунда. Фантики, больше
ничего нету.

— Хочу фантики! — решитель-
но сказала Милка и схватила
коробочку.

Лева даже удивился: как де-
шево досталась ему черепаха.
Он отдал Милке фантики и щед-
ро прибавил от себя кусок сур-
гуча и гайку. Потом схватил че-
репаху и умчался с победным
криком.

Так исчезла черепаха эмида
европейская.

* * *

Катя бежала со всех ног. От
нее не отставали Лилия, Таня,

Шура, две неизвестные девочки,
два чужих мальчика, нянька с
младенцем и мальчик с макаро-
нами, который доканчивал вось-
мую баранку. Так они и вбежали
во двор.

Младенец у няньки начал пи-
цать.

— Далеко еще идти-то? — спра-
сила нянька.

— Вот уже наша парадная, —
сказала Катя.

И вдруг на дереве кто-то крик-
нул:

— Здравсьте!

На ветке клена сидел скворец.
Катя замерла. Сперва она не
поняла, что произошло. Потом
застонала от ужаса.

— Государственное имущество!
— в отчаянии прошептала она.
Младенец пронзительно заорал.
Скворец вспорхнул и исчез в си-
нем небе.

Зарыдав, Катя бросилась к дому.

* * *

Милка втыкала фантики в щел-
ли скамейки. Это были гости.
Уже пришли «Белочка», «Тузик»,
«Раковая шейка» и «Антракт».

— Вот еще рыбка пришла, —
приветливо бормотала Милка,
втыкая в щель «Золотую рыб-
ку». — Садитесь пожалуйста. Как
вы поживаете, я хорошо, кушай-
те торт.

Милка подала на стол гайку.

— Покушайте шоколаду, — ска-
зала Милка самому почетному —
«Антракту» и положила перед
ним кусок сургуча. — А теперь,
гости, будем играть. Чур, я счи-
таю! — и Милка начала считать-
ся:

— На золотом крыльце сидели:

Царь — царевич,
Король — королевич,
Сапожник, портной,
А ты кто такой?

Она ткнула пальцем в «Рако-
вую шейку».

Катя

Вдруг мимо нее с плачем пронеслась Катя. За Катей неслись девочки.

Милка перепугалась. Она выдернула фантики, громко заревела и бросилась за всеми.

Первой в квартиру ворвалась Катя. На полу валялась коробка от ботинок, в которой прежде была черепаха. Все клетки стояли пустые. А в ванне ничего не было, кроме воды...

— Нет крокодила, — сказала Катя.

Все столпились в коридоре и молчали.

— Смертельный ужас, — прошептала Лилия.

— А врала-то, врала! — с негодованием сказала нянька, плепнула младенца и хлопнула дверь.

* * *

Нет, нельзя на этом кончать рассказ. Ну, пускай Катя не знает, что случилось с животными — сама виновата. Но читатели тут не при чем, и нехорошо оставлять их в неизвестности. Надо досказать самое главное.

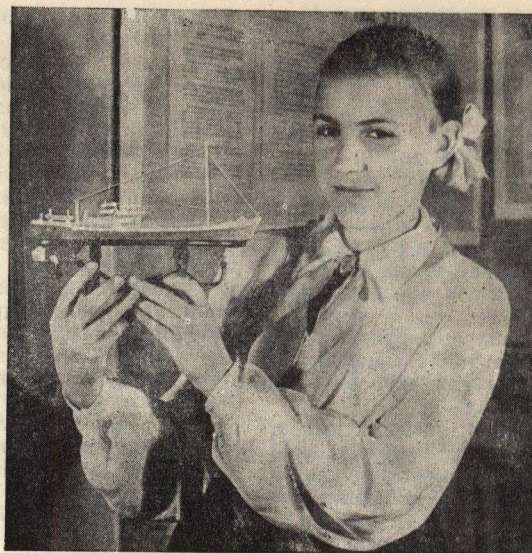
Крокодил выбрался из ванны на подоконник, перелез на карниз, пополз, напугал соседку и провалился в водосточную трубу. Там он застрял, выставив морду на улицу.

Катин папа, скрипач, сам прогнал из квартиры одного кролика, а другого запер в шкаф. Дело в том, что он был очень близорук, да к тому же потерял очки, и принимал белых кроликов за белого бабушкиного кота, который все время мешал ему работать. Кролик, выброшенный из квартиры, попал к соседке.

Кролики были недалеко и нашлись довольно скоро. Крокодила вытащил из трубы папа с помощью мальчика с макаронами. Милке и Леве пришлось побегать, пока они нашли черепаху: Лева сбыл ее другому мальчику, а тот — третьему. Но все-таки они принесли ее домой, в конце концов. Только скворца поймать было нельзя, хоть Катя с подружками гонялась за ним всюду. Катя мучилась и плакала.

Явился Митя с приятелем за своими животными. И как раз в эту минуту скворец сам влетел в окно, увидев свою клетку и воду в мисочке — ему очень хотелось пить.

Так что, в общем, все обошлось, только хлопот, слез и приключений было довольно много.

Корабли Иры Курденковой

Ира Курденкова, ученица 6-го класса 209 школы Ленинграда, второй год занимается в группе моделистов морского клуба.

В 1956 году Ира впервые участвовала в крупных соревнованиях.

На общегородской конкурс она представила серию плавающих контурных моделей судов промыслового флота — траулера, рыболовного сейнера, промыслового бота, китобойца и зверобойного судна.

На моделях показаны детали оборудования, по которым можно определить тип судна. Зверобойное, например, снабжают парусами, чтобы бесшумно подойти к лежке зверя. У китобойца на носу — гарпунная пушка, совсем как у настоящего судна. А вот на сейнере рыбу ловят на электросвет, конусными сетями. Для подвесных сетей установлена большая стрела. Модель сейнера легко узнать потому, что на ней тоже есть стрела.

Под днищем корпуса моделей укреплен резиновый моторчик. У каждой модели свои размеры и форма гребных винтов, поэтому ходят модели с неодинаковой скоростью. Китобоец и траулер движутся быстрее, чем сейнер и зверобойное судно.

Модели сделаны по чертежам, строго придерживаясь масштаба.

Это позволяет представить себе, во сколько раз сейнер больше бота. Кроме того, ясно соотношение размеров корпуса и надстроек. Обычно корпус модели закрашивают краской одного цвета. Ира сделала иначе: обозначила линии палуб, нарисовала иллюминаторы, двери, спасательные шлюпки, плоты.

На фотографии Ира Курденкова снята с моделью траулера. Приглядитесь, мачты и детали рангоута имеют правильную форму, это потому что они не выпилены, а сделаны из бамбука и тонкой проволоки. Носовую часть защищает от воды козырек из жести.

Так в конструкцию каждой модели Ира вносит что-то новое.

Искусно сделанные модели заслужили высокую оценку жюри. Ира завоевала первое место по классу контурных моделей. Ей вручен диплом первой степени. Кроме того, она получила набор инструментов для моделирования и книгу «Юный кораблестроитель».

ШКОЛЬНИКИ УПРАВЛЯЮТ МАШИНАМИ

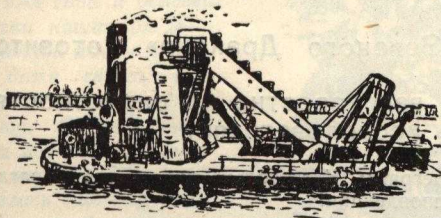

машину действовать, подчиняться себе. Но приходилось долго ждать, не один год, чтобы доверили управление машиной, настоящей всамделишной машиной..

Но теперь может случиться, что ждать так долго вам не придется.

В некоторых школах Ленинграда уроки по труду происходят в цехах завода.

Так, в 1955 году ученики восьмого «а» класса 331-й школы Ленинграда начали заниматься в инструментальном цехе завода «Экономайзер».

На практике, у станков, ребята познакомились со многими слесарными операциями — обдиркой, опилкой, сверлением, доводкой. Поначалу школьники многого не знали и не понимали. Однажды инструктор велел Борису Мачульскому принести концы из кладовой. Борис пошел и вскоре вернулся ни с чем. Ему предлагали какие-то старые тряпки, но он не взял их. Не взял, потому что не знал, что концы — это как раз и есть тряпки или кудель. Ими вытирают станок и руки, запачканные эмульсией и смазочным маслом.

Как-то раз восьмикласснику Воробьеву понадобилось конусную деталь превратить в цилиндрическую. «Какой угол снять при обточке?» — задумался он. А инструктор объяснил, что без синусов и косинусов угол не определить.

До практики на заводе многие школьники часто не находили примеров, подтверждающих законы инерции или трения. А после работы в цеху такие вопросы уже не затрудняют учеников.

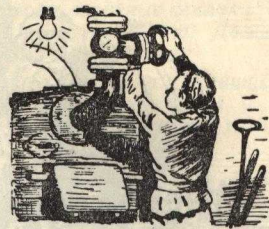
Обычно окончательную обработку деталей на шлифовальном станке — доводку — выполняют опытные рабочие. Но однажды к шлифовальному станку поставили восьмикласснику Лену Сербскую и поручили ей сделать доводку очень сложной детали.

Начальник цеха усомнился — справится ли новая «работница». Однако Лена успешно выдержала этот экзамен. Самая тщательная проверка отдела технического контроля показала, что деталь обработана безупречно.

Несколько дней спустя Лена, проверяя под микроскопом угол резьбы метчиков, обнаружила неточность в пробном метчике. Немедленно сообщив об этом инструктору, Лена помогла предотвратить брак инструмента.

Восьмиклассники 331-й школы доказали, что школьников можно и нужно допускать к станкам, к производственной практике в цехах завода. От этого польза и делу, и самим ребятам.

Во время зимних каникул два десятиклассника из 331-й школы, Валерий Суцев и Михаил Шведе, работали кочегарами. Необходимые знания мальчики получили в кружке энергетиков при заводе

«Экономайзер», где будущие дежурные машинисты-аппаратчики изучали аппаратуру, механическую и химическую обработку воды, ее очистку.

Однажды с Валерием Суцевым произошел случай, после которого он твердо решил стать инженером-энергетиком, посвятить себя этой профессии.

В этот день Валерий пришел на дежурство раньше обычного. Сменщики ушли. Он подбросил угля и стал ждать прихода Миши. Взглянув через некоторое время на термометр, удивился: обычно температура воды в котле 60—70 градусов, а тут термометр показывает уже все 90. Валерий осмотрел котлы и трубы, но ничего особенного не заметил. Снова подошел к термометру — уже 95 градусов.

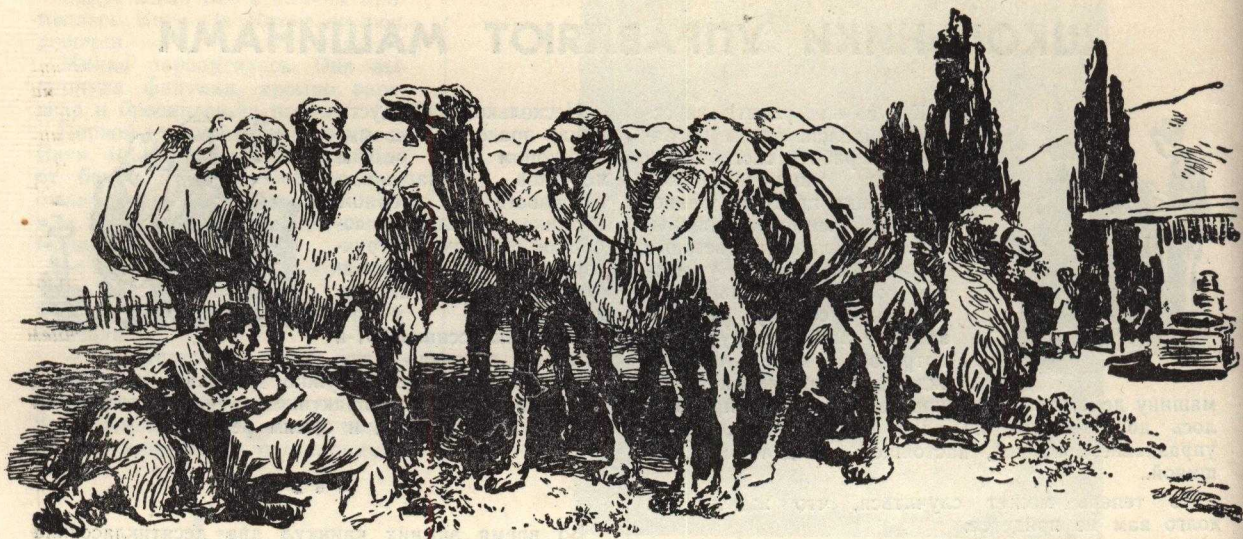
— Тогда я по-настоящему испугался, — вспоминает Валерий.

Но в следующее мгновение мальчик взял себя в руки. «Котел ведь не сразу разорвет, — сообразил он. — Вода должна сначала выкипеть». Тогда хладнокровно, методически Валерий начал осматривать всю отопительную систему. И увидел, что задвижка на одной из труб закрыта и преграждает путь воде. Валерий отодвинул задвижку, и вскоре температура воды стала падать.

В этом году пятнадцать юношей и пять девушек — выпускники 331-й школы Ленинграда — получили удостоверения, где сказано, что они овладели специальностью дежурного машиниста-аппаратчика по химводоподготовке.

Так школьники приобрели нужную интересную профессию.

А. Котовицкова

Загадка рудника Зеленого Дракона

Всем! Всем! Всем!

Экспедиция на поиски сокровищ «Зеленого Дракона» готовится к выходу!

Сообщите редакции «Костра» все, что вам известно об окрестностях Кан-Тага. Торопитесь! Необходимо помочь исследователям.

В редакцию продолжает поступать множество писем и телеграмм. Кого только ни интересует загадка Рудника Зеленого Дракона! Приводим некоторые корреспонденции:

г. Алма-Ата
1 августа 1956 года.

Недавно я получил письмо от профессора Дмитрия Павловича Григоровского. Он просит меня рассказать вам о восхождении на Кан-Таг.

Выполняю его просьбу.

Несколько лет тому назад, когда я занимался поисками полезных ископаемых на южном склоне Зеравшанского хребта, мне довелось побывать на вершине «Горящей горы». Я хотел исследовать огнедышащие жерла Кан-Тага и, если удастся, взять образцы минералов для музея.

Рано утром мы покинули геологический лагерь, раскинувшийся среди развалин старой крепости Сарвадар-кала, и стали подниматься по заброшенной тропе, по которой некогда носили нашатырь с вершины «Горящей Горы». Над желтыми зубцами вершины висело дымное марево. Мы — это наш геологический отряд: мой коллектор, Кирилл Петухов — студент из Ленинграда, проводник — почтенный седобородый Хасан Давлят и я сам.

Кирилла, правда, больше интересовали кеклики — горные куропатки. Он запасся двухстволкой. Хасан, неторопливый и скупой на слова, подоткнув под пояс полы коричневого стеганого халата, медленно поднимался по крутой, едва различимой тропе. При каждом его шаге позвякивал ярко начищенный медный чайник, привязанный к рюкзаку.

На тропе краснели обломки горелых пород. Мелкозернистый обожженный песчаник напоминал кирпич. Огнеупор? Это следовало проверить анализами...

При ударе красноватые осколки звенели, как хорящая черепица.

— Если огнеупор — значит, здесь огромное месторождение, — предположил Кирилл. — Вся гора сложена из этой породы. Как она обожжена!

Хасан все время поторавливал, и нам приходилось карабкаться в полном молчании.

Уже далеко внизу остались развалины и седая лента бешеной Фан-Дарьи, через которую мы переправлялись на скрипучем деревянном пароме. Гул реки едва доносился до нас.

Через несколько часов нелегкого пути по бесконечным зеленым склонам и звонким красным осыпям мы остановились передохнуть на небольшой площадке у подножия скалистого гребня Кан-Тага. Мы уже достигли высоты около трех километров над уровнем моря, и до вершины оставалось не более сотни метров. Внизу, в тени обрывов, как на карте, тонкой нитью извивалась Фан-Дарья. На юге, в оторочке пушистых облаков, вздыбились черно-белые зубцы Гиссарского хребта. Зеленоватые реки ледников притаились в глубоких затененных долинах. На западе, за бездонной трещиной Фан-Дарьинского каньона, среди путаницы желто-серых скалистых гребней и снеговых вершин Зеравшанского хребта, высился белый, строгий, словно обточенный ювелиром, пик — красавица Канза. Говорят, искрящуюся белизну ее снегов еще не нарушал человеческий след.

Продолжение. Начало в №№ 1 и 2.

После краткого отдыха мы продолжали подъем по обрывистым скалистым карнизам. Кирпично-красные осыпи с шуршащим ползти из-под ног, обрываясь камнепадами на уступах.

Вот и вершина! Ветер донес до нас резкий запах сернистого газа. Восточный склон Кан-Тага гигантскими красно-бурыми ступенями обрывался вниз, в долину Ягноба. Вдоль извилистых карнизов у наших ног зияли темные жерла. Некоторые дымились. Столбы дыма медленно таяли в прозрачном воздухе.

Кругом ни кустика, ни травинки. Только голые скалы — красные, желтые, коричневые, нагромождения глыб. Порой раздавался глухой рокот, вздрагивали камни под ногами, и черные жерла окутывались белым дымом. Дым медленно рассеивался, и снова наступала тишина.

Некоторые жерла, видимо, действовали периодически. Вблизи ближайшей пещеры запах сернистого газа становился все сильнее. Камни у входа в пещеру были нагреты так, что к ним нельзя было притронуться. Из трещины в глубине пещеры с легким свистом вырывался сухой горячий воздух. Ее стены и потолок были покрыты желтыми налетами серы и белыми шапками нашатыря. Жар накаленной почвы проникал даже сквозь толстые подошвы горных ботинок. В нескольких шагах находилось дымящее жерло. Тут жара оказалась еще ощутимее, а удушливый запах аммиака и сернистого газа заставил нас поспешно отступить.

Вдоль карнизов восточного склона виднелось много десятков жерл. Я стал наносить на карту лишь самые крупные.

Кирилл оставил двухстволку Хасану и принялся торопливо собирать образцы минералов.

Хасан снял со спины рюкзак и, присев на корточки еозле растрескавшейся плиты красного песчаника, начал большим ножом ковырять красноватую землю.

Держась руками за выступы скал, я направился к центральному жерлу. Его палящее дыхание чувствовалось еще за несколько десятков метров. В обжигающем сумраке пещеры я увидел желтые змейки газов. Они ползли из трещин в стенах. Потолок был покрыт гирляндами разноцветных кристаллов; на дне — груды красных плит.

Откуда-то из глубины доносился гул, подобный гулу полыхающего пламени.

Кирилл попробовал залезть в пещеру, но сразу же выскочил обратно.

— Я не загорелся? — даваясь дымом, спросил он у меня. В пещере нарастал гул, мы едва успели убежать и... во время. Жерло выплонуло облако желтого дыма. Ярко вспыхнул подхваченный горячим вихрем обрывок газеты, который потерял Кирилл.

Мы понимающе поглядели друг на друга. Побледневший Кирилл направился к Хасану и по пути старательно обходил даже маленькие жерла.

Пока мы осматривали жерла, Хасан разложил чистое полотенце на плите красного песчаника, на нем — хлеб, намазанный маслом, жареные кеклики — вчерашняя добыча Хасана, но не Кирилла. Дымились консервы, разогретые прямо в банках.

Испуг не испортил аппетита Кирилла. Усевшись на краю плиты, он схватил банку консервов и с воплем отдернул руку. Горячая тушонка с грохотом вывалилась на полотенце.

— Э, зачем спешить, — недовольно покачал головой Хасан. — Шурпа прямо из пещки.

Кирилл, засунув пальцы в рот, с недоумением смотрел на чайник. Его крышка звонко дребезжала. Из-под нее вырывался пар.

— Готов! — объявил Хасан.

Это было удивительно — чайник закипел на голой земле!

И, верно, там, где стоял чайник, был острый жар. Вероятно, здесь находились трещины, присыпанные мелкой щебенкой.

Из жерл этой природной фабрики минералов Кан-Тага мы добыли множество образцов. «Горячая Гора» предстала перед нами как энергетический источник огромной мощности, который необходимо поставить на службу человеку. Спускаясь с вершины, я рисовал в своем воображении проект создания геотермической энергосистемы на вершине Кан-Тага. Паро- и газопроводы в Захматабад и к подножию Кензы, на Искандер-Кульскую метеорологическую станцию, — дешевая энергия и тепло для ближайших рудников и обогатительных фабрик.

Я верю, пройдут годы, и все это станет действительностью.

Планы будущих преобразований увлекли, видимо, и Кирилла — на обратном пути он забыл о кекликах.

Александр Озеров, геолог.

...Если Вас интересуют какие-либо дополнительные подробности о Кан-Таге, охотно сообщу их. Рекомендую связаться с моим другом — Али Курбановым, правнуком знаменитого на всю Среднюю Азию овощеведа Сафара Курбановича Курбанова. Али работает на руднике Казанок в окрестностях озера Искандер-Куль и, наверное, сообщит вам много полезного.

Дмитрий Павлович писал мне, что вы интересуетесь также рудником Зеленого Дракона. Должен огорчить вас. Этот рудник существовал только в легендах. Во всяком случае — так считает профессор Татарав — известный знаток Тянь-Шаня.

Привет всем, кто интересуется «Горящей горой».

Премногоуважаемый и почтенный товарищ
Самый Главный Редактор!

Алейкум селям! Будь здоров тысячу лет, вырасти сто храбрых сыновей и пятьдесят прекрасных дочерей, напиши тысячу книг, которые благодарные люди будут читать десять тысяч лет! Я — старый Сафар Курбан, сын Курбана, сына Шоды. Я пас овец под ледниками Зеравшанских гор.

Я видел себя дымы Кан-Тага, Отца Гор. Я пек лепешки и варил плов на голой красной земле, такой горячей, что к ней нельзя прикоснуться.

Я чувствовал на своем лице знойное дыхание Отца Гор. Это было много лет тому назад, когда еще трудно жилось бедным дехканам. Теперь я самый старый человек в солнечной Зеравшанской долине, но ум мой ясен, и рука легко чертит эти буквы. Много легенд знал я о Кан-Таге — Отце Гор.

Много легенд помню и о сказочных сокровищах «Зеленого Дракона».

Приезжайте ко мне в гости в Захматбад. В прохладные летние вечера, когда солнце скроется за снежной вершиной красавицы Канзы, я буду рассказывать вам эти древние сказания. Ранним утром мы сядем в «Победу», ее подирил мне младший внук Хасан — агроном хлопковых полей Ферганы. Мы помчимся по новой дороге к подножию дымящей вершины Кан-Тага.

Мы пройдем через Ворота Природы — Великое Ущелье, где нет ничего, кроме крутых, уходящих к самому небу скал. Мой младший внук Хасан говорит, что река Фан-Дарья прорыла это ущелье. Хасан — очень ученый человек, хотя ему всего только пятьдесят лет. В его колхозах вырастает самый лучший хлопок и самый крупный виноград.

ИСКАНДЕР-КУЛЬСКАЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

5 августа 1956

Я сегодня спустился с гор за новым оборудованием для нашего прекрасного рудника, получил письмо от профессора Григоровского и специально съездил в Самарканд за первым номером журнала «Костер». На обратном пути я посетил своего прадеда — почтенного Сафара. Он уже знал обо всем (он получает «Костер»). Мы говорили целый вечер, а потом я до половины ночи внимал мудрым словам прадеда.

Теперь я не сомневаюсь, что «Рудник Зеленого Дракона» находится где-то в наших горах. Я уверен — мы найдем его. У меня в кармане лежит телеграмма профессора Григоровского. Поиски «Рудника Зеленого Дракона» возглавит мой друг — Искандер Озеров (его настоящее имя Александр, но я называю его Искандером).

Мне поручено организовать выючный транспорт и принять участие в работах экспедиции. Мы начнем поиски от ущелья Фан-Дарья и пойдем на запад. Нам надо внимательно исследовать огромную территорию — многие сотни квадратных километров диких безлюдных гор. Мы будем жить в палатках, поставленных у подножия синих

И всё-таки я не верю Хасану. Великое Ущелье — сестра Кан-Тага, их связывает одна тайна. Кто разгадает тайну дымящей вершины, тот узнает, как открылись Ворота Природы.

Мой правнук Али изучал камни, и люди называют его геологом. Он самонадеян и воображает, что познал все тайны Земли. Он говорил... Хотя — нет! Не годится мне, Сафару Курбану, сыну Курбана, сына Шоды, самому старому человеку в Зеравшанской долине, повторять слова тридцатилетнего мальчишки. А он даже не поднимался на Кан-Таг. Его слова весят не больше, чем огенная паутина, летящая над полями, с которых собран хлопок.

Но прости меня, премудрый и почтенный товарищ Самый Главный Редактор. Я становлюсь многословным. Это верный знак, что я начинаю стареть...

У подножья Кан-Таса, в тени развалин старинной крепости Сарвадар-Кала, мы остановили нашу «Победу». Если тебе и твоим друзьям меньше лет, чем мне, я провожу вас к тропе, поднимаясь по которой, вы после полудня вступите на вершину Отца Гор. Сам я останусь внизу и к вашему возвращению сварю жирный плов, запах которого донесется к вам на другой берег пенистой, бурной реки.

Ну, а если ваше воображение живо, мы никуда не поедем. Мы будем пить чай в моем саду, и то, что я не сумею хорошо рассказать вам, я нарисую тростником на песке.

Приезжай обязательно и привози с собой столько друзей, сколько ты их имеешь.

Склоняющий седую голову перед твоим опытом, ученостью и годами

Сафар КУРБАНОВ, заслуженный мастер животноводства.

ледников. Если мальчишки из Эмска не испугаются тяжелого труда геологов, мы возьмем их в нашу экспедицию коллекторами. Я уже написал им об этом.

На подготовку экспедиции остается мало времени, а мы должны знать все о местах, где будем искать «Рудник Зеленого Дракона».

Всич журнал может помочь нам.

Обратитесь к бывалым людям — геологам, туристам, чабанам, охотникам, любителям природы и далеких странствий — ко всем, кто когда-нибудь взбирался на серые кручи Зеравшанских гор.

Попросите их написать все, что они знают о Зеравшанском хребте, о сверкающих льдах вершин Чимтарги и Канзы, о бирюзово-зеленой чаще Искандер-Куля, о суровых, сырых ущельях Сарыбевола и Хозермеч, о цгги голубых озер Шанка, о Фан-Дарье и Ягнобе, о рудых и минеральных, которые люди привозили из этих мест. И перечислите нам в Искандер-Кульскую метеостанцию все, что вам напишут бывалые люди.

Али, сын Хасана, внук Курбана, правнук Сафара Курбанова, геолог рудника Кизнок.

В последнюю минуту

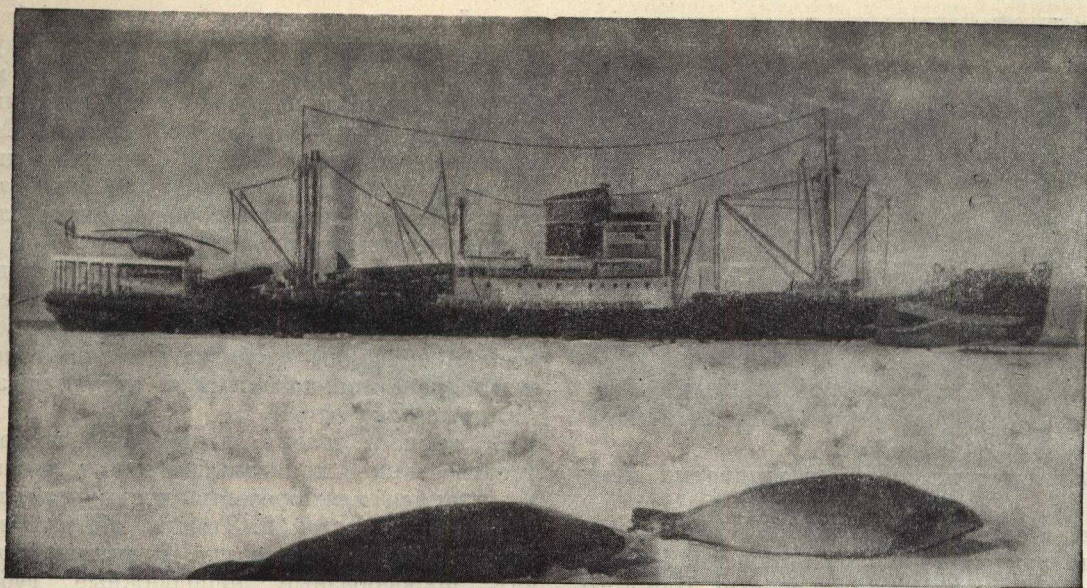
ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЭМСКА

СЛУЧИЛОСЬ НЕСЧАСТЬЕ ДОКУМЕНТ ИСЧЕЗ ЗПТ КУРОЧКИН
БОЛЬНИЦЕ ПРОСИТ ОРГАНИЗОВАТЬ ОХРАНУ ВОЛКОВА
КЛАДБИЩА.

АФРИКАН

Страшное беспокойство охватило редакцию...

(Продолжение следует)

ОБИТАТЕЛИ АНТАРКТИКИ

Рассказывает проф. П. В. Ушаков

Дизельэлектроходы «Обь» и «Лена» подошли к пловучим антарктическим льдам в январе, в разгар полярного лета. Вы ведь знаете, что лето в южном полушарии наступает в то время, когда у нас зима.

Первые айсберги, которые мы увидели издали, изумили нас. Некоторые из них напоминали средневековые полуразрушенные замки. Они плыли, сверкая в косых лучах солнца. Казалось — это царство сказочных существ...

Но какова же была наша радость, когда подошли ближе к берегам, мы, наконец, увидели на льду какие-то черные, кургузые фигурки. Они ловко перебирались с льдины на льдину, стремясь занять место, откуда лучше удавалось разглядеть наше судно.

Вы догадались? Это, конечно, были пингины — добродушные, любопытные и смешные хозяева Антарктиды.

Когда «Обь» подошла к ледяному барьеру, толпы пингинов устремились к ней.

Нельзя было без смеха смотреть на птиц, удивительно похожих на людей во фраках. Они толкались, прыгали, катались на брюхе по льду, перебирая своими передними конечностями, как веслами.

Скоро у борта судна стояла плотная толпа пингинов. Они, как настоящие зеваки,

глядели на нас, о чем-то переговаривались.

Избавиться от этих наблюдателей не было никакой возможности — они следовали за нами повсюду. Скоро мы привыкли к ним и перестали удивляться их любопытству.

Маленькие — не больше полуметра — пингины радужно приветствовали нас на берегу и каждый день приходили к нам «в гости». А вот крупных — ростом с метр — императорских пингинов мы навестили сами. Они не так любознательны, хотя человека тоже не боятся, и даже позволяют нам

брать в руки их крупных пушистых щенков.

Рядом со стаями императорских пингвинов на льду обычно лежат тюлени. Это ленивые и флегматичные животные. Для того, чтобы заставить их пошевелиться, надо несколько раз ударить ногой в бок, и то они едва поднимут головы.

На берегу островов Маккуори и Кергелен мы видели очень крупных животных с мордой бегемота — морских слонов. Это родственники тюленей. Вес их около трех тонн, длина — метров пять.

Мы даже несколько опасались приблизиться к ним. Потом вооружились палками и подошли.

Вначале морские слоны не обращали на нас никакого внимания, но когда мы ткнули

палкой одного из них, он поднял свою безобразную морду и открыл колоссальную пасть. Нос его надулся и стал похож на хобот (потому-то и называют этих животных слонами), а глаза налились кровью. Мы ожидали, что разъяренное животное двинется на нас. Но огромная туша подобрала хвост и стала сползать к воде. Затем слон нырнул и выплыл далеко от берега.

В летние дни к кромке пловучих льдов подходили многочисленные стада китов. Как мы узнали потом — на откормку. Ведь воды Антарктиды изобилуют мелкими морскими рачками, которыми и питаются эти гигантские животные.

В темной зелени водорослей ползают змеехвостки с тонкими длинными лучами. Выделяются нежно-розовые кусты кораллов, похожие на растения. Темные морские звезды рассыпаны там и тут. В густых зарослях шарообразные неподвижные губки. Морские ежи — с виду совсем как лесные, а над ними плавают в зеленоватой воде тысячи всяких других обитателей океана.

Наши ученые добыли свыше пятидесяти видов рыб и среди них очень редкие экземпляры: например, рыбы с белой кровью, которые водятся только в Антарктиде.

Множество заспиртованных, высушенных и замороженных животных привезли мы в Ленинград.

Конечно, нам трудно было бы заспиртовать, например, морского слона или кита, но зато мы их засняли для фильма об Антарктиде.

Пингвинов мы тоже заморозили и благополучно доставили в Ленинград. Теперь из них в Зоологическом институте Академии Наук делают чучела и каждый сможет скоро увидеть этих оригинальных птиц.

Там же, в музее, будут находиться заспиртованные рыбы, моллюски и другие интересные обитатели Антарктиды.

На вклейке рисунок В. Свениникова: „Первый день во льдах Антарктиды.“

ПОД ПАРУСАМИ В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ

Посмотрите на эти два цветные рисунка. Художник изобразил русских моряков разных времен.

На рисунке сверху — морские офицеры и матросы начала XIX века.

На рисунке внизу — русские моряки XVIII века.

О чем же рассказывают эти рисунки?

Группа отважных русских моряков высадилась на тропическом острове, где солнце щедро одаряет природу и людей; на берегу растут пальмы, в руках у островитянина ананасы — плоды жарких стран...

На рисунке внизу — совсем иное. Суровый север. Негостеприимны берега пустынного покрытого льдом и снегом острова. Холодный ветер обжигает лица моряков, треплет плащ и шарф офицера. Без перчаток нельзя работать — мерзнут руки.

Отважные моряки прошлых времен на деревянных парусных судах, не имея ни надежных морских карт, ни лоций — точных списаний морских путей, ни совершенных приборов, которые помогали бы находить путь среди океана, полагаясь лишь на свой опыт и искусство, совершали замечательные научные открытия — наносили на карту новые острова, проливы, уточняли очертания берегов и бухт, описывали малоизвестные земли. Много потрудились мужественные исследователи для того, чтобы облегчить плавание будущим морякам и этим заслужили уважение и память всех народов.

Таким бесстрашным открывателем новых путей и земель был и Алексей Ильич Чириков (рисунок внизу) — участник Великой Северной экспедиции 1725—1742 годов.

Вы видите, как зорко вглядывается он в неприступные, голые берега. На пакетботе «Святой Павел» Чириков шел на Север вдоль берегов Азии, чтобы выяснить, «где она (Азия) сошлась с Америкой».

Командир Северной экспедиции Витус Беринг безвременно погиб, так и не выполнив этой важной задачи. Теперь дело Чирикова было дать ответ на этот вопрос.

И то, что не удалось Берингу, удалось Чирикову. В ночь на 26 июня 1741 года, после длительного плавания по студеному штормовому морю, Чириков увидел высокие горы и лес. То была Америка...

За время плавания Чириков сделал много важных наблюдений. Ничто не ускользало от его внимания. Чириков, например, записал: «При мысе сем встречали мы множество китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихою погодой, наловили мы здесь довольно много вкусной рыбы, роду лососей. Глубина моря была здесь 65—75 сажень».

По возвращении в Петербург, Чириков привел в порядок свои наблюдения и исследования и на основе их составил две карты северной части Тихого океана.

Другой замечательный русский мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн (рисунок сверху) прославился тем, что в 1803 году он первым из русских моряков возглавил кругосветную морскую экспедицию.

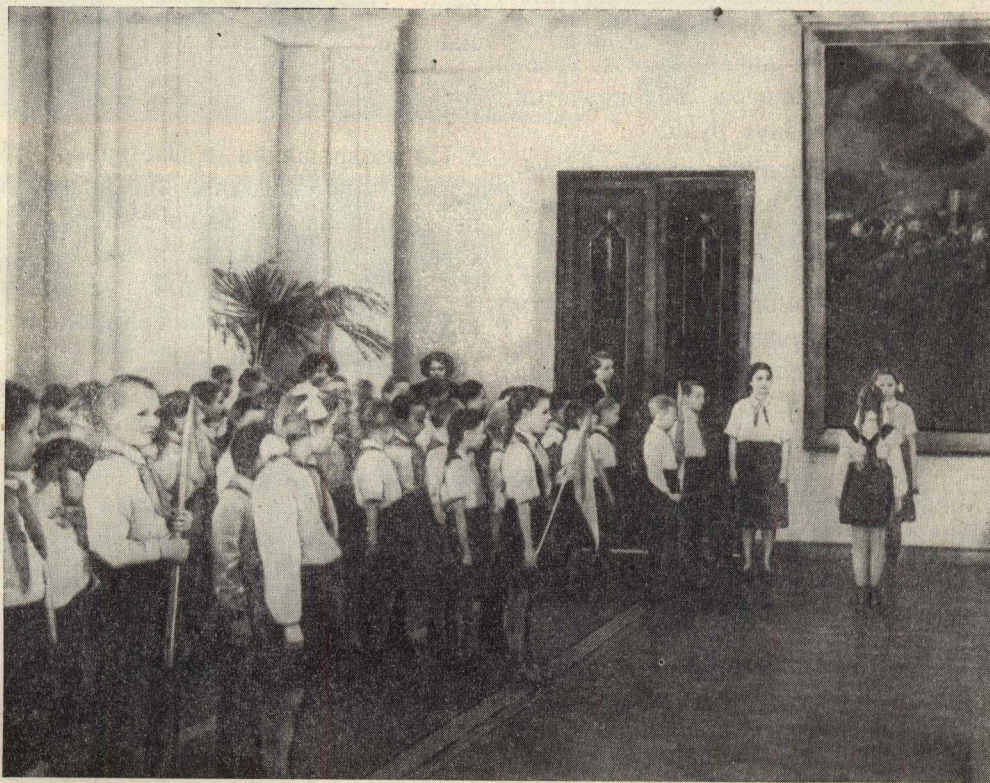
Будущий адмирал, тогда еще офицер, прошел из Кронштадта через Атлантический океан и Магелланов пролив к дальневосточным берегам России и, обогнув берега Азии и Африки, возвратился в Кронштадт.

Сколько замечательных открытий сделали участники этого первого кругосветного плавания! Сколько открыли островов, сколько добыли ценных географических сведений, сколько произвели важных промеров глубин, сколько научных коллекций доставили на родину!

Моряки Крузенштерна прославились не только как опытные мореплаватели и исследователи. Жители материков и островов, которые посетили русские моряки, надолго запомнили своих гостей из далекой России. Русские моряки приходили как мирные люди и с уважением относились к чужим обычаям и нравам.

Эти два рисунка, воспроизведенные в «Костре», составляют лишь часть большого альбома, посвященного замечательным русским морякам — первооткрывателям новых земель. Эти рисунки для альбома Русского Географического общества выполнил художник В. М. Свешников.

В музее Ленина — пионерский сбор

В зале Ленинградского филиала музея Ленина пионеры 357-ой школы выстроились на торжественной линейке. Надолго запомнят этот день те пионеры, кому впервые здесь повязали красный галстук. Ведь их приняли в пионерскую организацию в музее великого Ленина!

БАТАГА ИЗ САН ЛОРЕНЦО

Марчелло Арджилли

Рисунки Н. Петрово

БАТАГА ГОТОВИТСЯ К РЕВАНШУ

Вечером Марко узнал обо всем. Весть о том, что Леонэ со своей батагой вторгся в Сан Лоренцо и избил Джиджино, привела его в ярость.

— Мы должны дать отпор! — кричал он, закатывая рукава. — Кто со мной? Айда в Сан Джованни! С Леонэ я расправлюсь сам!

Но, к общему изумлению, Джованна, верная помощница Марко, его правая рука во всех делах, вдруг упрямо покачала головой.

— Это ни к чему, — заявила она. — От того, что мы будем бить их, а они нас, — ничего не изменится. Этим не докажешь, что мы правы. Чем размахивать кулаками, лучше победить их в футбольном матче.

Девочка и сама не заметила, что повторяет слова Нандо.

Марко поволновался, поворчал, потом успокоился.

— Может, и так, — сказал он. — Надо выиграть матч, это заставит их уважать нас. Во что бы то ни стало мы должны добыть деньги на мяч и площадку!

Через час состоялся общий сбор батаги.

Он проходил под девизом: «Побить Сан Джованни со счетом: пять — ноль!»

Весь вечер и весь следующий день батага рыскала по кварталу вдоль и поперек. Ребята, словно голодная саранча, лезли во все закоулки и щели. Над Сан Лоренцо носился боевой клич: «Деньги на бочку! Леонэ плюет на наш квартал — мы должны отомстить!»

Все сделались необыкновенно изобретательными, самой важной персоной стал кассир Раджоньере.

К нему несли всё: кто бумажную макулатуру, кто металлический лом, кто старые книги, а кто и деньги чистоганом. Он составлял описи, потом, прихватив на помощь двух-трех ребят, отправлялся к старьевщикам. Он торговался с ними до пены у рта, стараясь сбыть товар подороже.

Пертика пошел к своему другу кузнецу Нино. Сам Нино был еще так молод, что не успел забыть собственные счеты с кварталом Сан Джованни. Он с такой горячностью пустился с Пертикой в рассуждения о чести квартала, что старый кузнец, отец Нино, лукаво посмеиваясь, вынул из кармана пятьдесят лир и протянул мальчику. А Нино пожертвовал на общее дело четыре килограмма железного лома.

Продолжение. Начало в №№ 1 и 2.

Даже неповоротливый Беппоне проявил исключительную ловкость. Услышав от скупщика, что за свинец платят больше, чем за другие металлы, он дождался, когда мать уйдет из дому, и принялся за работу. Часа через два, пыхтя и отдуваясь, он приволок к месту сбора кусок свинцовой трубы длиной с метр. Ребята встретили Беппоне с его трубой восторженными криками и намекнули, что он вовсе не такой дурачок, каким прикидывается. Иначе взглянула на это мать героя, когда, открыв в кухне водопроводный кран, едва не затопила всю квартиру: под раковиной не доставало ровно метра свинцовой трубы.

Даже Луиза нашла в себе мужество отказать от заветной мечты — купить настоящую губную помаду — и вручила касиру ватаги скопленные для этой цели семьдесят лир.

Но самым изобретательным оказался Джиджино. Великолепный синяк на скуле придавал ему вес не только в глазах друзей, но и в его собственных. Он понимал, что положение обязывает.

Утром он пошел к своему двоюродному брату, пекарю Ченчио. С четверть часа они о чем-то тайношественно перешептывались, после чего Ченчио снял серый от мучной пыли фартук, и оба они куда-то отправились.

Ченчио и Джиджино пропадали около часа. Прощаясь с мальчиком у дверей пекарни, Ченчио сказал:

— Надеюсь, твоя мать ничего не заметит. Во всяком случае, помни: к этому делу я не причастен.

— Клянусь тебе, я буду нем, как рыба, — торжественно пообещал Джиджино. — Большое спасибо, что сходил со мной. Ты настоящий санлоренциец.

Когда еще спустя несколько минут Джиджино небрежно протянул Раджоньере восемьсот лир, все широко раскрыли глаза от изумления.

— Ты что — выиграл в лотерею? — оторопело спросил Беппоне. Его хитроумное предприятие со свинцовой трубой принесло ватаге четыреста лир, а ему самому — изрядную порцию колотушек.

— Простая сообразительность, — ответил Джиджино с видом явного превосходства.

Тут он расстегнул ворот рубашки и показал золотую цепочку на груди.

— Вот смотрите. Замечаете что-нибудь?

— Нет, а что? Обыкновенная цепочка, мы видели ее не раз.

— Я так и знал! — воскликнул сияющий Джиджино. — Мой план удался великолепно. Смотрите: вот здесь не хватает трех звеньев, около грамма золота. Кто догадается, что цепь стала короче? Я продал эти три звена и выручил за них восемьсот лир.

Ребята замерли от восхищения. Даже Пертика, который слыл отъявленным плутом, не мог бы придумать ничего лучшего. Жаль только, что ни у кого больше не было золотой цепочки!

Изобретательность Джиджино сослужила ему немалую службу и в другом. Вечером того же дня Джованна отвела в сторону Марко и завела с ним разговор.

— Джиджино показал себя молодцом. Он один осмелился выступить против Леонэ. Он больше всех раздобыл денег. Примите его в футбольную команду. В конце концов, он играет не так уж плохо.

— Еще недавно ты сама говорила, что он мазила. Нет уж, проси, что угодно, только не это. Футбол дело серьезное.

Но Джованна не хотела слушать никаких доводов. Она настаивала, просила, убеждала, в конце концов пригрозила, что совсем уйдет из ватаги, если он ни в грош не ставит ее мнение. Пришлось Марко уступить.

— Ладно! — со злостью сказал он. — Пусть будет по-твоему, только всё же он был и всегда останется шляпой.

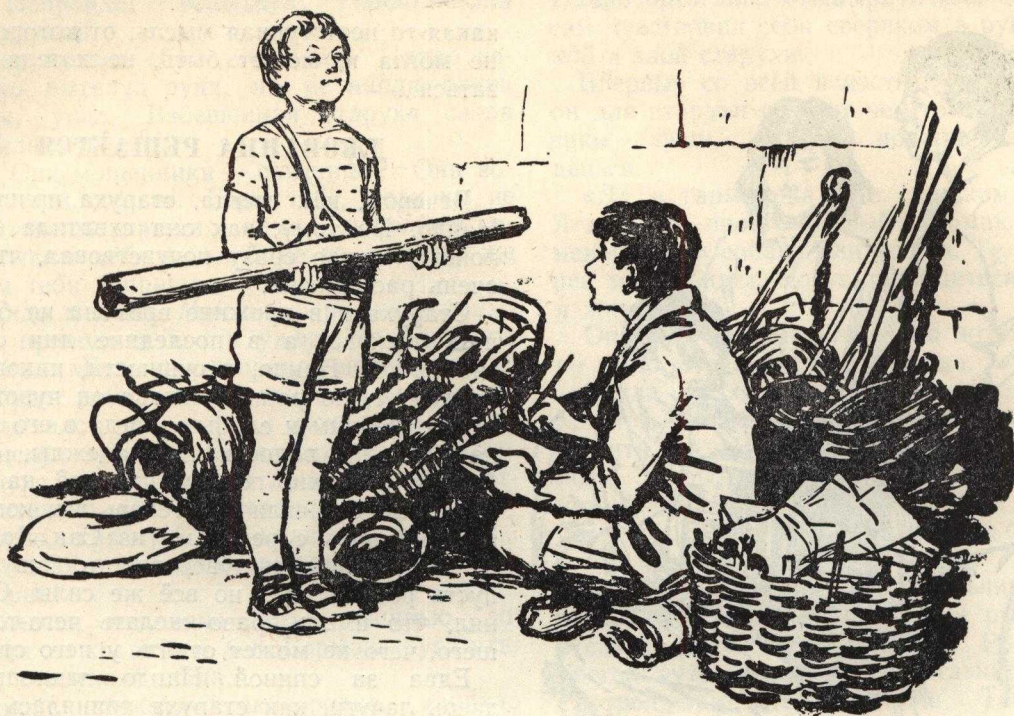
Так Джиджино благодаря синяку под глазом, комбинации с золотой цепочкой и приему в футбольную команду стал знаменитостью.

Два дня спустя Раджоньере, созвав ватагу, доложил о состоянии денежных дел.

— У нас есть две тысячи семьсот семьдесят пять лир, — сказал он. — Мы молодцы! Хватит и на мяч, и на уплату за площадку. Предлагаю излишек — семьдесят пять лир — вернуть Серджио: он дал сто, а дома у него с деньгами совсем плохо, отец безработный. Для него и двадцать пять лир — тоже много.

Предложение одобрили.

Теперь оставалось купить мяч и назначить день состязания. Решено было провести матч через три дня, в ближайшее воскресенье. Раджоньере, как наиболее подходящего для деликатных дипломатических переговоров, уполномочили встретиться с Леонэ. Заодно он должен был заглянуть в магазины и присмотреть там мяч получше, а также договориться с хозяином футбольной площадки.

Джованне пришла в голову мысль, которой она тут же поделилась со всеми:

— Давайте пригласим на матч Нандо. Он принесет нам счастье.

Сегодня все предложения проходили единогласно, а уж о приглашении Нандо и говорить нечего.

Джованна, Марко, Джиджино и Пертика отправились к театру. Выйдя на площадь, они постарались как можно незаметнее проскользнуть мимо бара, где работал Чезаре. Дело в том, что Раджоньере сложил собранные ватагой деньги в полотняный мешочек и носил с собой на груди, никому не доверяя. Других денег у ребят, конечно, не было. Приходилось отказываться от покупки для Нандо пирожного.

Едва они миновали бар, как их догнал Чезаре. Он держал перед собой знакомое блюдо, украшенное гофрированной бумажной салфеткой.

— Вы забыли пирожное, — сказал он. — Сегодня миндальное.

— Мы не забыли, у нас нет денег, — смущенно пробормотала Джованна. — Нандо сегодня придется обойтись без пирожного.

У Чезаре вытянулось лицо.

— Как!? Но ведь оно миндальное! Такого никто из вас еще не пробовал... — Секунду помолчав, он добавил: — Ну, так, значит, на

этот раз угощаю я. Всё равно назад нести неудобно.

Все последние дни Нандо жил в тревоге. Его друзья не приходили. Он не знал, что с ними делается. Неужели они и в самом деле затеяли войну с санджованцами?

Но друзья пришли, и все тревоги исчезли. Ребята окликнули его, и Нандо по их голосам сразу понял, что они веселы и радостны, как никогда.

— В воскресенье мы вызываем их на матч, — выпалила Джованна. — Мы не будем драться. Всё выходит по-твоему. Ты доволен?

Доволен ли он? Он счастлив! Никогда еще никто не считался с его словами. Вот это — друзья! Он так и не разобрался в делах ватаги, да это сейчас и неважно. Важно, что его послушались и войны не будет.

Ему хотелось как-то особенно выразить свою радость. Но как? Этого он не знал. Он просто не умел найти таких слов. Тогда он стал перебирать — сперва робко, потом всё смелее — клавиши своей гармоники. И старенькая гармоника сказала то, что ему хотелось сказать. Это была музыка, такая причудливая, легкая и веселая, что Джованна и ее друзья замерли очарованные.

Когда Нандо кончил, Джиджино сказал:

— Как ты хорошо играешь! Я очень люблю музыку.

Но Марко перебил его:

— Мы хотим, чтобы ты, Нандо, тоже пришел на наш матч с санджованцами. Ты ведь никогда не был на футболе. А если мы победим, мы повезем тебя к морю. Честное слово!

Нандо печально улыбнулся:

— Теперь мечтаете вы, а не я...

Джованна резко дернула Марко за рукав.

— Пора идти, — сухо сказала она. — Нас ждет Раджоньере.

Марко с недоумением посмотрел на нее, но послушался. Когда они отошли подальше, Джованна хмуро сказала:

— Разве можно обещать Нандо то, чего нельзя исполнить? Чтобы купить мяч, мы перевернули вверх дном весь Сан Лоренцо. Где же нам добыть еще денег?

— Я, конечно, поступил глупо, — смущенно признался Марко. — Но мне хотелось сказать Нандо что-нибудь приятное.

— Сказать мало, надо сделать, — ответила Джованна. — Если мы зароним в него хоть маленькую надежду, он будет день и ночь думать об этом. А если обманем, будет день и ночь страдать.

Больше девочка не проронила ни слова. Она шла сосредоточенная, прищурив глаза. Всякий, кто внимательно присмотрелся бы к ней, понял бы, что в ее мозгу засела

какая-то неотступная мысль, от которой она не могла и, может быть, не хотела отказать...

ДЖОВАННА РЕШАЕТСЯ

Вечером, как всегда, старуха пришла за Нандо. По тому, как она схватила его за локоть, Нандо сразу почувствовал, что она очень рассержена.

Старуха и в прежние времена не была с ним ласкова, а в последние дни словно взбесилась. Нандо, в сущности, никогда не боялся ее, но раньше, когда он чувствовал себя одиноким и слабым, когда в его жизни не было ни радости, ни надежды, он не боялся старухи, потому что всё на свете ему было безразлично. Теперь же, когда он познакомился с ребятами из Сан Лоренцо, в нем появилась уверенность, ощущение пусть робкой еще, но всё же силы. Он понял, что имеет право желать чего-то лучшего, чего не может отнять у него старуха.

Едва за спиной Нандо захлопнулась дверь лачуги, как старуха принялась ныть:

— Вот что получается, когда делаешь добро таким бездельникам, как ты! Сколько ты сегодня заработал? Пустяки: меньше трехсот лир... Опять, верно, проболтал с этими оборванцами. Думаешь, я ничего не знаю!

Нандо старался не слушать старуху. Но не слушать было трудно, голос ее становился всё пронзительнее и громче.

— Неблагодарный! Без меня ты околел бы с голоду. Ну, скажи мне, ради всех святых, кому нужен слепой? Я подобрала тебя на улице, как щенка, забочусь о тебе, воспитываю, словно родного. И за всё это прошу одного: несколько жалобных словечек, чтобы прохожие подавали побольше.

— Не говорите со мной об этом! Я же вам объяснял. Я делаю как могу, держу чашку на коленях — и всё... большего не дождетесь.

Старуха даже захлебнулась от удивления. Не было еще случая, чтобы Нандо осмелился перебить ее. А сейчас мальчик стоял с поднятой головой, на его бледном лице не было знакомого ей жалкого выражения человека, который с минуты на минуту ждет пощечины.

Старуха схватила Нандо за плечи и, брызгая слюной, закричала в самое ухо:

— Начинаешь бунтовать, да? Это всё они! Да я тебе голову оторву, если еще раз увижу с этими бродягами! Они приходят издеваться над тобой, строят рожи за твоей спиной, а ты, дурак, развешиваешь уши.

— Неправда! — вспыхнул Нандо. — Они мои друзья!

Удар кулака сбил его с ног. Нандо невольно вытянул руки, но, не найдя точки опоры, упал. Взмешенная старуха снова вцепилась в него.

— Они мошенники — слышишь? Они воруют твои деньги. Горе тебе, если ты не перестанешь знаться с ними. Ты должен зарабатывать себе на хлеб, не то я сейчас же отдам тебя в приют.

Нандо молчал. Мысль о приюте попрежнему приводила его в ужас. Но вдруг он подумал: «Если она отправит меня в приют, кто будет приносить ей деньги?» Он смутно догадывался, что старуха нуждалась в нем, и стиснул зубы, чтобы не сказать ей этого. Старуха дышала ему в лицо, это было отвратительно. Он представил ее себе: безобразную, грязную, с жадными глазами... Нет, такая не могла содержать его из великодушия!

Мальчик медленно встал, ощупью добрался до кровати и лег. Бормоча ругательства, старуха отошла.

Вскоре звякнула сковородка, запахло жареной свининой. Старуха не переставала брюзжать.

Потом она умолкла, верно, принялась за еду. Нандо она ничего не дала — ждала, что попросит сам. Но мальчик не попросил.

Прошел час, другой. Старуха, наконец, поставила перед ним тарелку с супом. Нандо взялся за ложку, но есть не начал. Он о чем-то думал.

— Извините, — сказал он вдруг.

— Что, проголодался? — торжествующе спросила старуха. — Видишь, если бы не я...

— Я не об еде, — спокойно ответил слепой. — Я... Дайте мне, пожалуйста, завтра гармонику.

— Гармоника моя, и я даю ее, кому захочу. Ты думаешь, мне хватает тех грошей, что я получаю от тебя? Гармоника хороша у тех, кто умеет ею пользоваться...

Нандо понял то, о чем догадывался и раньше. Он у старухи не один. Кто-то еще, так же, как и он, был вынужден собирать для нее милостыню.

Нандо отставил в сторону миску с нетронутым супом и вытянулся на кровати. Обрывки острых и мучительных мыслей метались во тьме, наполняли его сознание и весь окружающий мир. Однажды он неожиданно схватил рукой сверчка. Сверчок забился в его кулаке, маленький, мягкий и жалкий.

Нандо брезгливо отшвырнул его. Сейчас он сам чувствовал себя сверчком в руках жадной и злой старухи.

Впервые со всей ясностью он понял, что он для старухи служит чем-то вроде гармоники — вещи, которая должна приносить деньги.

«Да и гармоника еще слишком хороша. Я для нее просто старый башмак. Я стою меньше, чем собака или кошка. Те, по крайней мере, видят, могут защищаться... Зачем я живу?»

Он сжал кулаки. Глаза его жгло, но слез не было. Ночь прошла без сна.

Когда на следующее утро Раджоньере, Марко, Джиджино и Джованна пришли навестить его, Нандо сидел, низко опустив голову. Закрытая книга лежала на его коленях. Чашка для сбора подаваний валялась на земле, под стульчиком: он бросил ее туда, полный отчаяния и гнева.

Заслышав шаги друзей, мальчик стремительно повернулся. А четверка ребят была в самом радужном настроении. Раджоньере обегал чуть не двадцать магазинов и присмотрел замечательный мяч. Теперь они шли его покупать.

— Здорово, Нандо! — крикнули они еще издали.

И вдруг их радость, как ветром, сдуло. Они ни разу не видели такого отчаяния на лице своего слепого друга. Нандо даже не ответил на их приветствие. Он заговорил быстро, тревожно.

— Скажите, — правда, что я ни на что не годен, что я бесполезное существо? — Он схватил за руку Джованну. — Я не хочу так жить!

— Что ты, Нандо, ты нужен нам! Мы твои друзья, ты это знаешь.

Нандо отрицательно покачал головой:

— Нет, нет, — твердил он, — я ни к чему не пригоден, ничего не стою. Я живу только потому, что вызываю жалость, мне бросают несколько лир, как бросают собаке кусок хлеба. Но даже собаки приносят пользу: сторожат помещение, ходят на охоту.

Ребята растерянно молчали, они не находили слов. Джиджино вопросительно взглянул на Джованну: «Что мы можем сделать?» Марко перехватил этот взгляд и безнадежно пожал плечами.

Но Джованна думала иначе. Нельзя сдаться и оставить всё, как есть! Нандо несчастен, значит, надо сделать так, чтобы он снова мог «лыбаться». Кому же это сделать, как не им, его единственным друзьям?

Девочка кусала губы. Она что-то решала, потом попросила:

— Оставьте меня с Нандо. Я приду к магазину, а деньги отдайте мне. С вашей небрежностью недолго их потерять.

— Но кассир ведь я, — обиженно возразил Раджоньере.

— Давай деньги!

Джованна проговорила это так решительно, что Раджоньере снял мешочек с шеи и отдал девочке.

— Только приходи скорей, мы будем ждать.

Когда мальчики скрылись за углом, Джованна взяла Нандо за руку и коротко сказала:

— Идем!

— Куда? Я не могу уйти отсюда.

— Молчи. Идем со мной.

Она почти насильно подняла слепого с места, захватила его книгу, стульчик, и они пошли. Проходя мимо бара, Джованна забежала туда и оставила удивленному Чезаре книгу и стульчик.

— Куда ты меня ведешь? — переспросил Нандо.

— Не спрашивай, сегодня командую я.

Мимо проезжала пролетка. Джованна махнула рукой и крикнула:

— Эй, извозчик!..

ДЕНЬ ЧУДЕС

Цоканье лошадиных копыт по мостовой казалось Нандо лучшей музыкой. Сидя в пролетке, он вдыхал всей грудью свежий утренний воздух. Легкий ветерок дул навстречу и уносил прочь грустные мысли.

— Это настоящий извозчий экипаж? — спросил он.

— Да, и очень красивый. Сиденье обито кожей, ты потрогай!

Слепой потрогал рукой сиденье.

— Твердое. Что это за кожа?

— Это... крокодиловая, самая дорогая.

Извозчик недоумевающе обернулся, но Джованна сделала ему знак молчать.

— Скажи, Джованна, публика смотрит на нас?

— О, да! Все останавливаются и смотрят, словно мы с тобой король и королева, объезжающие свои владения.

— Куда мы едем?

— Не скажу. Пока это секрет.

Едва пролетка остановилась, Джованна спросила извозчика, можно ли мальчику потрогать лошадь.

— Какая она мягкая и теплая! — воскликнул Нандо, когда Джованна стала водить его рукой по спине и бокам лошади. — Мне хочется дотронуться до ее головы... Ах, вот она! Оказывается, лошадь не такая высокая, как я представлял себе. Скажи — она белая? Мне лошади всегда казались белыми... как свет.

Лошадь была, в сущности, старой, облезлой клячей. Но Джованна продолжала вдохновенно сочинять:

— Конечно, белая! Белая, как свет, как... тишина. Ты меня понимаешь?

Она чувствовала, что цвета надо объяснять слепому с помощью знакомых ему ощущений.

Развязав мешочек, в котором хранились деньги ватаги, она безжалостно извлекла оттуда двести пятьдесят лир и отдала извозчику. Потом взяла Нандо под руку и заставила его подняться по каким-то ступенькам. По многочисленным голосам, гулко отдававшимся где-то вверх, мальчик догадался, что они вошли в громадное помещение. Слова людей звучали взволнованно, шаги торопливо.

— Пстой здесь, — сказала Джованна, подведя Нандо к стене. — Я сейчас прибегу.

Возвратившись, она взяла его под руку, и они снова очутились на открытом воздухе. Тут странно пахло железом и дымом.

— Осторожней, ступеньки...

Нандо шагнул и ощутил под ногами деревянный пол. Он ничего не понимал, он был ошеломлен. Джованна посадила его на деревянную скамейку.

— Прошу тебя, объясни... — умолял Нандо.

— Нет! — весело воскликнула Джованна. — Ты должен догадаться сам.

Послышался гудок, стук закрываемых дверей, пол вдруг затрясся. Испуганный Нандо вцепился в скамейку. Он хотел позвать на помощь и тут только заметил, что сам он, скамья и всё, что его окружает, находится в движении.

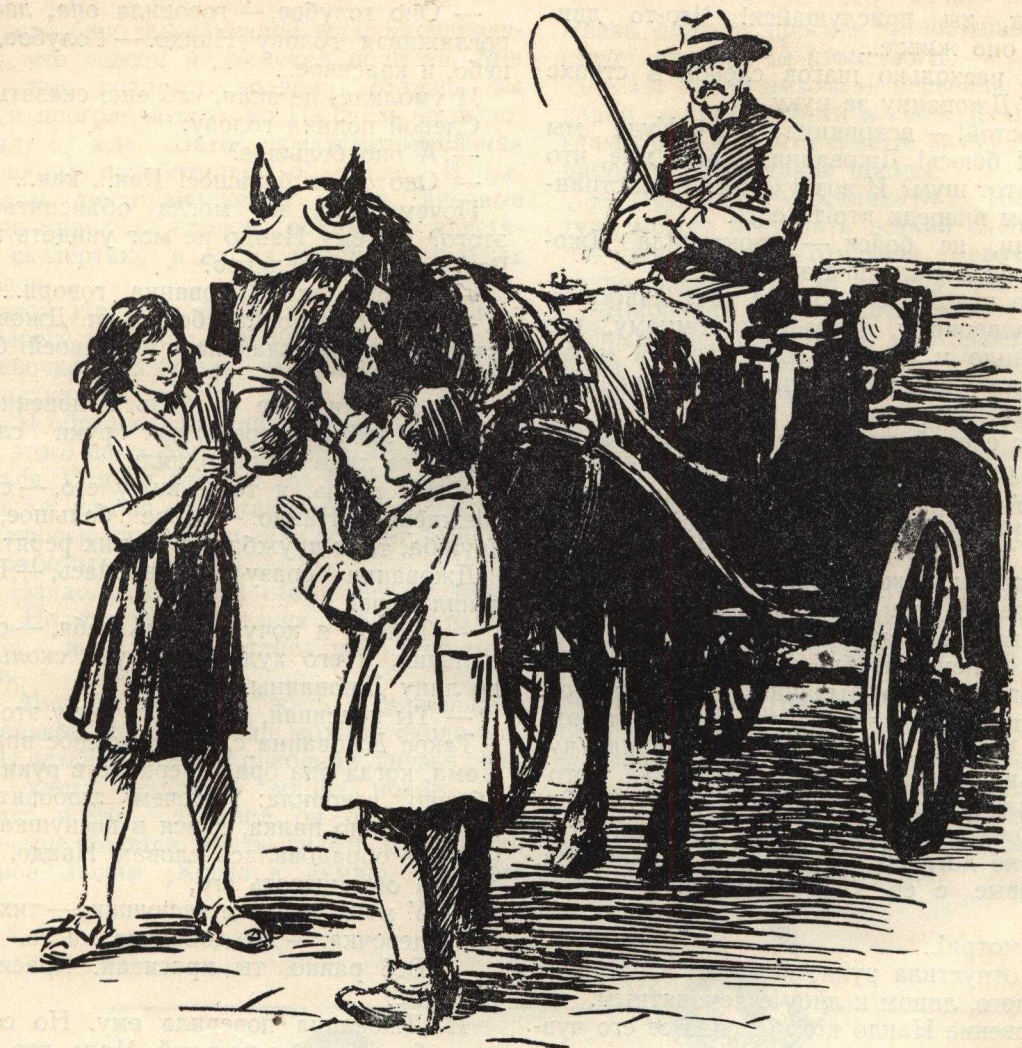
На лице слепого мальчика появилось выражение изумления и восторга.

— Поезд! — воскликнул он, всплеснув руками.

Крик его был таким непосредственным и пылким, что пассажиры невольно обернулись, с удивлением разглядывая мальчика в старом плаще.

На мгновение Джованна закрыла глаза. Она была счастлива.

«Удалось, — думала она. — Я заставила его забыть, он доволен».

Она и не вспоминала, что истратила уже около пятисот лир из денег, собранных с таким трудом на устройство футбольного матча с ватагой Сан Джованни.

Нандо придвинулся к открытому окну. Он вдыхал всей грудью встречный ветер, шевеливший волосы, полный удивительных запахов поезда, трав, быстроты. Джованна, наклонившись к мальчику, сама захлебываясь от восторга, кричала ему в ухо:

— Вот домик, у окна женщина, она машет нам рукой... Лужайка, на ней пасутся две коровы... Ах, да, ты не знаешь, коровы — это как лошади, только у них два рога на голове... Сейчас будет переезд через полотно железной дороги...

Одного лишь Джованна не хотела ему сказать: куда они едут.

Через полчаса они вышли из поезда на

станционную платформу. Воздух здесь был не такой, как в городе, но среди незнакомых запахов Нандо уловил и знакомые ему.

— Здесь близко деревья?

— Да, целая рощица. И какая красивая! Но мы пойдем в другую сторону.

Нандо уже ничего не спрашивал. Ему и без того — хорошо. Весь сегодняшний день — путешествие в неведомый мир. Всё в этом мире было чудом: и лошадь, и поезд, и ощущение простора, свободы, и солнечная равнина, по которой они теперь шли... Но вдруг Нандо охватило предчувствие какого-то особенного, самого главного чуда.

Мальчик приостановился.

— Что это за шум? — спросил он.

— Какой шум? Я ничего не слышу, — удивилась Джованна.

— Нет, ты прислушайся! Что-то движется... оно живое...

Через несколько шагов слепой в страхе схватил Джованну за руку.

— Постой! — вскрикнул он. — Куда мы идем? Я боюсь! Джованна, скажи мне, что значит этот шум? И воздух тоже стал странным. Там впереди что-то есть.

— Иди, не бойся, — успокаивала Джованна, обняв мальчика за плечи.

Нандо чувствовал, что он идет навстречу необыкновенному, чему-то огромному, что его манило и пугало. Шум, глухой и непрерывный, всё нарастал, он был величав и безграничен.

Вдруг слепой ощутил, что земля под его ногами стала другой. Он ступал по чему-то мягкому, рассыпчатому. Нандо побледнел. Его охватила дрожь от необычайного волнения.

— Где ты, Джованна? Я боюсь. Держи меня крепче, мне страшно!

Ему казалось, что огромные руки протянулись к нему, чтобы увлечь куда-то. Он чувствовал чье-то дыхание, живое, чистое. А этот гул, ни на что не похожий, — что это такое? Что это?.. Потрясенному Нандо чудилась во всем этом неведомая тайна, которая и влекла его, и грозила.

— Неужели ты не понял, Нандо? Неужели не догадался? — крикнула Джованна, и впервые с ее губ сорвалось запретное слово:

— Смотри!..

Она отпустила руки мальчика и оставила его одного, лицом к лицу с непонятным.

Мгновение Нандо колебался. Все его чувства напряглись, ему надо было понять... Наконец он сделал шаг вперед и широко раскинул руки, словно хотел обнять всё: свою радость, открытие, которое он только что сделал, — весь мир.

— Море!.. Море!.. — закричал он.

Да, перед ним было море. Ничего, что он не видел, как отливают на солнце волны голубым и зеленым, как зажигаются в них миллионы искр, ему достаточно было слышать, как они с шумом катились на берег, а потом смиренно ложились у его ног. Легкий шорох тающей пены был для слепого никогда не слышанной музыкой природы.

Закрыв лицо руками, мальчик упал на песок. Он плакал.

— Это от радости... — бормотал Нандо сквозь всхлипывания. — Я очень рад!..

Нельзя сказать, чтобы и у Джованны, самой упрямой и дерзкой девчонки из Сан Лоренцо, глаза были совсем сухие...

— Оно голубое, — говорила она, ласково поглаживая голову Нандо. — Голубое, как небо, и красивое...

И умолкла, не зная, что еще сказать.

Слепой поднял голову:

— А оно большое?

— Оно очень большое! Как... как...

Почему она не могла объяснить ему этого? Почему Нандо не мог увидеть море? Разве это справедливо?

— Говори еще, Джованна, говори...

— Оно без конца, без... — и Джованна, сжав губы, расплакалась от своей беспомощности.

Но ее отчаяние и боль мгновенно исчезли — легкие, трепетные руки слепого нашли ее лицо и приподняли.

— Не плачь, я тоже вижу его, — сказал убежденно Нандо. — Море большое, как дружба, твоя дружба... и других ребят.

Джованна сразу успокоилась, — Нандо понял море!

— Теперь я хочу увидеть тебя, — сказал мальчик, и его худенькие руки скользнули по лицу Джованны.

— Ты красивая, я знаю, я вижу это...

Такое Джованна слышала о себе впервые. Дома, когда она брала зеркало в руки, мать обычно говорила: «Нечем любоваться — худа, словно палка, и вся в веснушках».

Она обрадовалась словам Нандо, но не хотела обманывать его.

— У меня на лице веснушки, — тихо сказала девочка. — Их довольно много.

— Всё равно, ты красивая. Красивая и добрая...

И Джованна поверила ему. Но сегодня дело было совсем не в ней. Мало, что Нандо услышал и по-своему увидел море, — она подвела его к самой воде — он должен был еще попробовать его на ощупь и на вкус.

— У, какое соленое! — сказал Нандо, выплевывая воду. — Почему это?

Джованна сама не знала, почему.

— Ну, ничего, — сказал Нандо. — Это хорошо, что оно соленое и люди не могут пить его, иначе они всё выпили бы.

Потом он снял башмаки, закатал штаны и с помощью Джованны вошел в воду. Сначала мальчик побаивался, но брызги так свежо обдавали его лицо, что он засмеялся от удовольствия. Мальчик и девочка затеяли игру, в которую во все времена играют дети, очутившись в воде. Они старались поймать набегающие волны, брызгали друг на друга водой, а потом сушили на солнце вымокшее до нитки платье.

Нандо был так захвачен всем происходящим, что совсем не замечал времени. Между тем подошел полдень. Можно бы уже и проголодаться, но Нандо и не вспоминал о еде. Зато предусмотрительная Джованна позаботилась об обеде. В маленьком ресторанчике у моря впервые Нандо сидел за столом, покрытым хрустящей скатертью, и ел из хорошо вымытых тарелок.

Потом Нандо и Джованна опять уселись на берегу и долго, долго разговаривали.

Девочка рассказала, что она хочет стать учительницей.

— И обязательно стану, — говорила она. — Для этого надо кончить школу, а потом еще учиться. Отцу и матери это будет, конечно, не легко, но они сами так хотят. Зато, когда я сделаюсь учительницей, настанет мой черед заботиться о них.

У Нандо тоже были свои мечты о будущем. Но он говорил о них робко и неуверенно, — ведь они казались ему несбыточными.

— Мне бы хотелось жить в маленьком, чистеньком домике. Если можно, около моря. И чтобы ко мне приходили друзья. Читать книги, узнавать много нового... А больше всего, — добавил он очень серьезно, — мне хочется уметь делать что-нибудь нужное людям. Когда я думаю, что всю

жизнь должен просить милостыню, я чувствую, что мне не стоит жить.

— Не падай духом! — перебила его Джованна. — Надо верить в себя. Я читала когда-то в газете, что слепые могут научиться работать. Есть такие школы.

— Неужели! — воскликнул Нандо. — И туда может поступить всякий слепой?

— Не знаю, — ответила девочка. — Но такие школы есть, за это я ручаюсь.

Джованна решила сделать этот день чудесным, незабываемым для своего друга. Едва в ресторанчике заиграл оркестр, они пошли слушать музыку. Но и этого было мало Джованне, она упростила музыкантов, чтобы они позволили Нандо немножко поиграть на аккордеоне, пока те отдыхают. Взяв аккордеон в руки, Нандо бережно и жадно ощупал его, как величайшее сокровище.

— Вот это инструмент! — сказал он, пробежав пальцами по бесчисленным ладам. — Не то что расстроенная гармоника, которую дает мне старуха.

И он стал играть. Музыканты, о чем-то беседовавшие между собой, сразу умолкли и стали прислушиваться. Нарядно одетые дамы и мужчины, обедавшие за столиками, оборачивались, чтобы взглянуть на слепого мальчика, который с таким счастливым лицом играл чудесные мелодии.

В Рим Джованна и Нандо вернулись к вечеру. Снова Нандо слушал перестук вагонных колес. Только с вокзала до театральной площади им пришлось ехать уже не на извозчике, а трамваем.

Когда они пришли к Чезаре за стульчиком и книгой, у двери бара их встретили свирепые и встревоженные Джиджино, Марко и Раджоньере.

Утром, прождав около часа у магазина спортивных принадлежностей, ребята вернулись к театру, но не нашли здесь ни Джованны, ни Нандо. Через два часа они снова пришли к театру и ждали до вечера.

— Не поднимайте шума, — вполголоса сказала Джованна. — Сначала отведем Нандо на место, потом я всё объясню.

Все радости этого дня кончились. Наступила пора неприятностей.

У входа в театр, прислонясь к стене, стояла хмурая старуха, со зловещим лицом поджидая Нандо. Еще раньше, чем она успела промолвить хоть слово, мальчик, по тому, как дрогнула рука Джованны в его руке, догадался, что старуха здесь.

— Она? — спросил мальчик. — Не беспокойтесь обо мне. Доведите меня до стены, и я пойду один по тротуару. А вы уходите.

Осупью Нандо приблизился к старухе. Она схватила его за воротник плаща. Из-за уличного шума ребята не слышали ее слов, но увидели, как она грубо тряхнула мальчика и потащила за собой.

За Нандо пришла очередь Джованны.

— Где ты пропадала, бессовестная? — накинулся на девочку Марко. — Мы ждем с самого утра. Это тебе даром не пройдет! А пока отдавай Раджоньере деньги!

Неторопливо, глядя прямо в глаза Марко, Джованна пошарила в кармане.

— Вот восемьдесят лир, — спокойно сказала она. — Держите. Остальные я истратила.

Трое ребят словно окаменели.

— Как?! Ты истратила фонд ватаги? — переспросил, не веря своим ушам, Раджо-

ньере. — Ты с ума сошла! Ведь мы уже послали вызов!

Марко сначала даже не понял: то, что сказала Джованна, было просто невероятно. А когда он, наконец, понял... Если бы Джиджино не схватил его за руку, он влепил бы девочке такую затрешину, какой она еще в жизни не получала.

Джованна не двинулась с места, только сощурила глаза.

Она тоже умела нападать, а в случае необходимости — царапаться, как кошка.

— Мне очень жаль, что так получилось, — просто сказала она. — Но это было нужно. Вы сами видели сегодня утром, что делалось с Нандо. Я повезла его к морю; вы знаете, он давно об этом мечтал. У моря Нандо обо всем забыл.

— Зато и ты обо всем забыла! — кипятился Марко. — Неужели ты не понимаешь, что Сан Лоренцо теперь опозорен, что все до единого квартала Рима будут смеяться над нами? Какой позор!

Джиджино попробовал вступить за Джованну.

— Денег всё равно уже нет. Лучше и не вспоминать о них, — сказал он. — Устроим матч с санджованцами на рождество: к празднику деньги будут.

И он добавил не совсем искренно:

— Откровенно говоря, не такое уж увлекательное занятие — гонять мяч.

Джованна с благодарностью взглянула на него; уж она-то знала наверняка, что он врет.

Зато Марко взорвало.

— Как! — завopil он. — Значит, для тебя не существует чести квартала? И я команду такими слизняками! Кончено! Ты, Джиджино, навсегда выброшен из команды. Никогда не будешь играть с нами, ни за что.

И Марко круто свернул в боковую улицу. Кассир без кассы понуро побрел за ним.

Некоторое время Джованна и Джиджино шли молча. Потом мальчик спросил:

— Так Нандо был в самом деле счастлив? Расскажи мне об этом подробнее.

И добавил шепотом:

— Знаешь, я поступил бы так же, если бы подумал об этом раньше...

(Продолжение следует)

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Проф. Н. Н. Сытинская

О Марсе слышал каждый. С ним связаны предположения ученых о существовании жизни, непохожей на нашу. Написаны романы и повести о приключениях людей, побывавших на Марсе и встретившихся там с какими-то невиданными чудовищами. Некоторые склонны утверждать даже, что инженеры Марса не менее искусны, чем наши, а, может быть, и еще изобретательнее.

Верно ли всё это?

Пока мы этого не знаем. Предположений о существовании жителей на Марсе выдвинуто много, а достоверно пока ничего не известно.

И вот в этом году каждый может увидеть Марс.

По ночам в сентябре на южном склоне неба появляется необыкновенное светило. Оно сияет ярким красноватым светом, словно далекий костер, и напоминает звезду. Но если кто-нибудь назовет это светило звездой, то допустит непростительную ошибку. Потому что звезды — это далекие солнца, раскаленные, огненные светила. Марс — не звезда, а планета, маленькое подобие и сосед нашей Земли. Он ярко светит потому, что его озаряет Солнце, и красноватый шарик Марс отражает солнечные лучи.

Мы знаем, как сменяются на Марсе день и ночь, зима и лето, нам известно, какая там атмосфера и какая температура. А вот есть ли там животные, мы сказать не можем, потому что даже таких больших животных, как наш слон или кит, на Марсе до сих пор не удалось рассмотреть и в самый сильный телескоп.

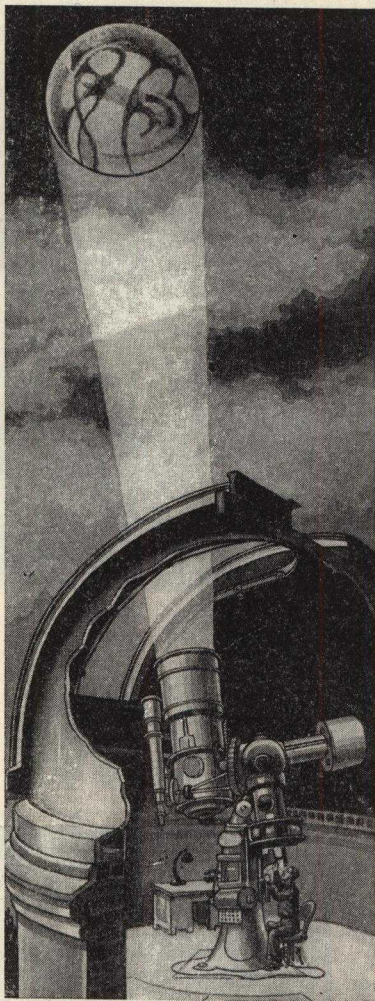
Марс считается ближайшим соседом Земли. Его путь — орбита, проходит сразу за орбитой Земли. Однако расстояние от Земли до Марса составляет десятки и даже сотни миллионов километров. Поэтому изучать Марс — дело нелегкое.

Событие, которое сейчас привлекает внимание исследователей неба, называется великим противостоянием Марса.

Что значит «противостояние», когда оно бывает и почему называется великим?

Земля и Марс быстро несутся в пространстве вокруг Солнца.

И вот возникает такой момент, когда Солнце, Земля и

Марс выстраиваются на одной прямой линии и Земля становится между Марсом и Солнцем. Наступает, как говорят астрономы, пртивсстояние Марса. И если смстреть с Земли, то Солнце и Марс находятся как раз в прямо противоположных сторонах. Поэтому Марс появляется в тот момент, когда Солнце закатывается, и исчезает в момент солнечного восхода. Значит во время протизстояния его можно видеть всю ночь.

Но взгляните на верхний рисунок следующей страницы! На нем огромные цифры: расстояние от Земли до Солнца сто пятьдесят миллионов километров, а от Марса до Солнца — двести двадцать восемь миллионов километров. Вот и выходит, что в момент противостояния путь от Земли до Марса окажется:

Рисунки В. Свешникова

228 млн. км — 150 млн. км =
= 78 млн. км.

Ведь это же страшная даль! — скажете вы. Где же тут «близость» Марса? Это верно. Но ведь не редко астрономам приходится наблюдать Марс с расстояния почти в 400 млн. километров!

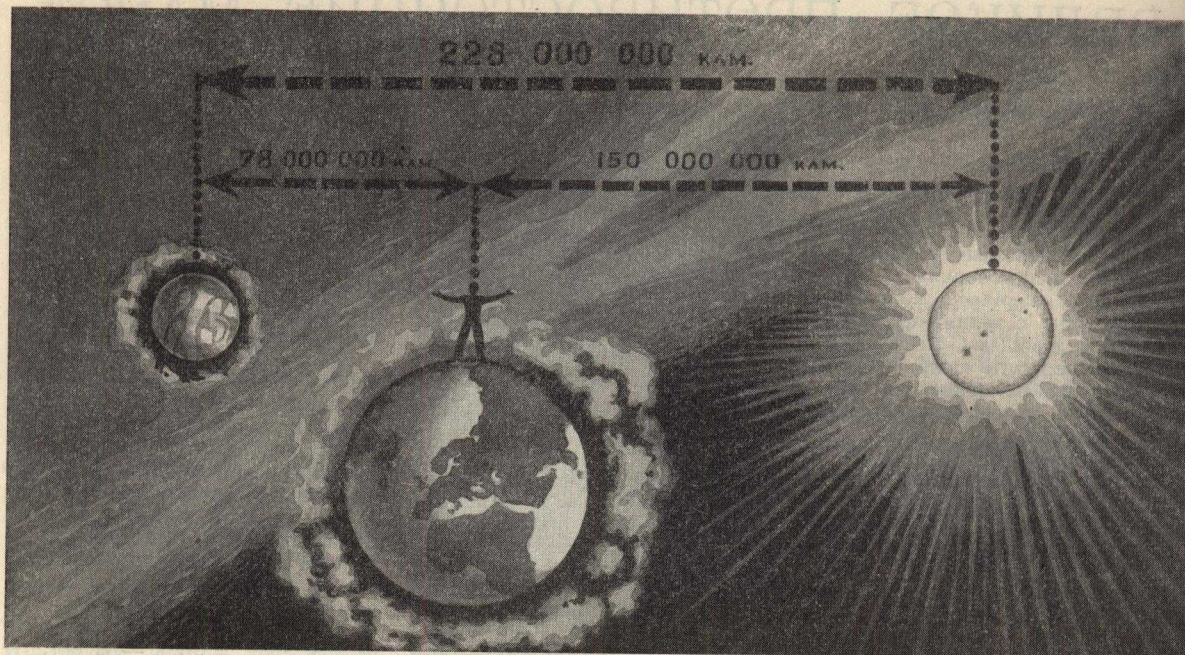
Ближе, чем Марс к Земле, в противостоянии находится только Луна, да еще иногда бывает Венера. Вот почему ученые стараются использовать каждое противостояние Марса для новых наблюдений и исследований.

Земля и Марс движутся каждый по своему пути в одном направлении. Но у Земли круг меньше. Кроме того, она летит в межпланетном пространстве быстрее. Поэтому Земля обходит свой путь за 365 дней, а Марс — за 687. И через каждые двадцать шесть месяцев Земля догоняет Марс. Тогда наступает очередное противостояние.

Но путь Марса — не точно круг, а немного вытянутая яйцевидная кривая, которую в математике называют «эллипсом». Поэтому расстояние между орбитами Марса и Земли не всегда одинаковое: где ближе, а где дальше. Если Марс встретится с Землей там, где их пути расходятся больше всего, то наблюдать его будет неудобно — расстояние от Земли до Марса окажется больше, чем сто миллионов километров. Но встреча может произойти там, где пути проходят один от другого близко, и тогда Марс сможет подойти к Земле на расстояние до пятидесяти шести миллионов километров. Вот такое противостояние и называется великим.

Великие противостояния повторяются каждые пятнадцать-семнадцать лет. В последний раз оно было в 1939 году. С тех пор, как раз и пршло семнадцать лет. И вот в ночь с десятого на одиннадцатое сентября оно повторится вновь. Поэтому Марс в первой половине сентября будет сиять, как очень яркое светило, и в телескопы ученые смогут рассмотреть большой кружок со многими подробностями.

Каждое великое противостояние приносит новые интересные открытия. В 1877 году на Марсе заметили таинственные прямые линии «каналов», которые вдоль и поперек прорезают планету. В 1894 году

астрономы подробно изучили, как появляются и тают снега в его полярных областях. В 1909 году русский ученый Г. А. Тихов, фотографируя Марс при помощи большого 30-дюймового телескопа Пулковской обсерватории в лучах разного цвета, обнаружил на Марсе воздушную дымку. В 1924 году при помощи огромных телескопов-рефлекторов и специальных приборов — термоэлементов — американские астрономы измерили температуру воздуха на Марсе. Оказалось, что там гораздо холоднее, чем на Земле.

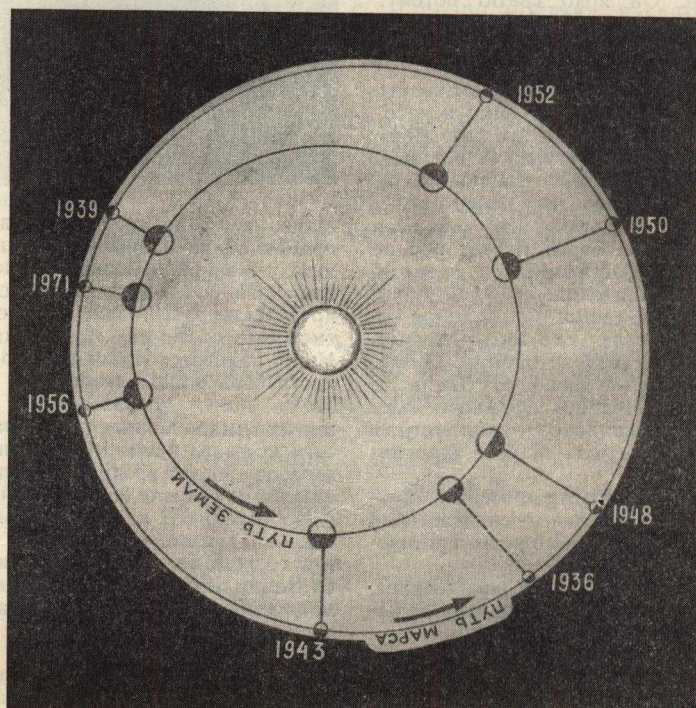
Зимой морозы на Марсе достигают 60—80 градусов. Даже на его экваторе каждую ночь бывают жестокие морозы. Однако днем температура поднимается и почва нагревается до 10—20 градусов выше нуля. Можно поэтому предполагать, что там есть и какая-то растительность.

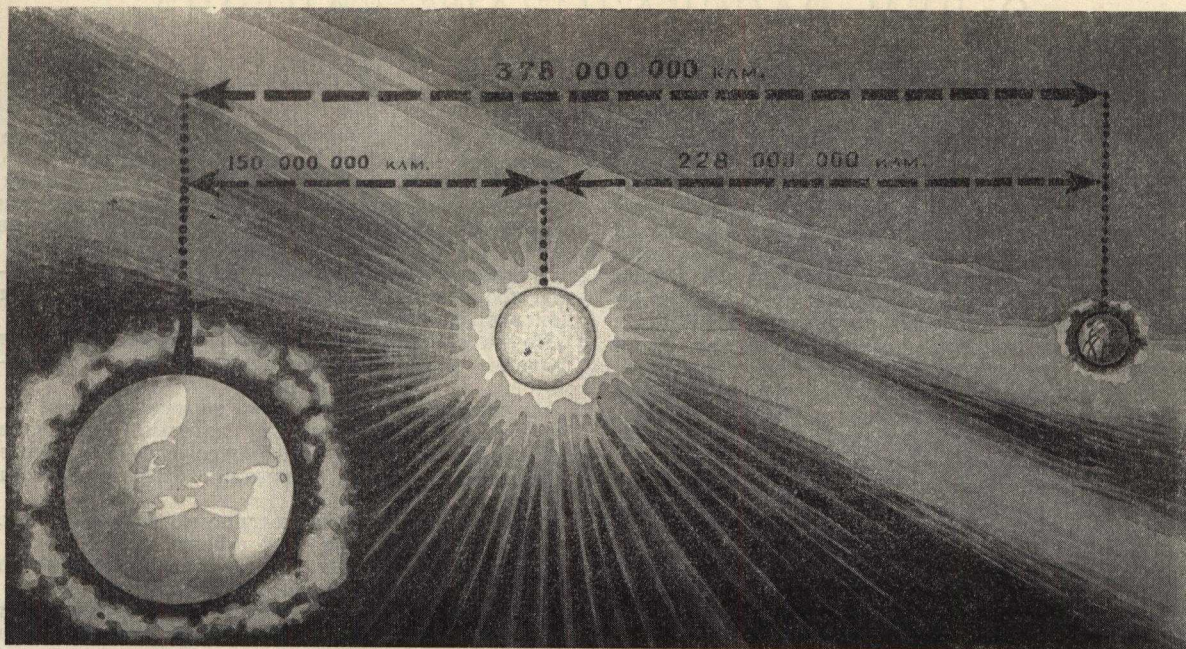
Наконец, в 1939 году советские астрономы, наблюдавшие Марс в Харьковской и Ташкентской обсерваториях, установили, что атмосфера вокруг него очень разреженная. Количество газов над его поверхностью в шесть раз меньше, чем над Землей. Стрелка обычного комнатного барометра показала бы давление воздуха только пятьдесят миллиметров. И это тогда, как у нас она чаще всего стоит на цифре «760», и почти никогда не спускается ниже «700». Цифры же «50» на на-

ших барометрах просто даже и нет.

В этом году крупнейшие телескопы опять будут направлены на Марс. Ученые попытаются ответить на вопрос, есть ли в его атмосфере хоть немного кислорода и

водяного пара? Отчего образуются и из чего состоят облака и туманы, которые бывают видны на Марсе? Правда ли, что белое вещество, покрывающее полярные страны на Марсе, — снега и льды, а не просто белый туман, как думают некото-

рые астрономы? Отчего меняется цвет темных пространств Марса? Оттого ли, что они покрываются ковром голубовато-зеленой растительности, как утверждают со-

ветский ученый Г. А. Тихов и его ученики, или это вулканы засыпают местность темным пеплом, как нас старается уверить американский астроном Мак-Лафлин?

И это только немногие из большого числа научных проблем, которые ученые будут стараться решить во время великого противостояния 1956 года.

ВЕРТЯЧКА

Любят бездельники-воробьи всей оравой чирикать. Словно сплетничают наперебой, но не прозевают внезапно нагрянувшего ястребка-перепелятника: как ветром сдует с забора всю чирикающую компанию, горохом просыпятся щебетуны в кучу хвороста или гущу кустов и притаются в страхе...

Что сделает веселый бегунок — трясогузка, врасплох застигнутая крылатым головорезом? Думаете, трусливо, по-воробьиному, юркнет в укрытие? Не дождетесь! Смелая птичка стрельнет прямо вверх, станет набирать высоту, устремляясь толчками все выше и выше. Будто знает плутовка, что ястреб не поспеет за ней.

Видели вертишейку — птичку чуть побольше воробья? Не такой уж она скорый летун, чтобы удирать в воздух. И в валежник не спрячется. Но и у этой скромной хлопотуньи есть свое «оружие» для острастки когтистого злодея. Не догадываетесь какое? Безобидное... кривлянье! Не зря же зовется вертишейка еще и крутиголовкой, вертячкой!

Однажды вот какой редкий случай мне подвернулся. Собрал я в лесу грибы. Мимо пронесся ястребок, догоняя серую птичку. Вижу, птичка упала неподалеку в прогалок, на чистинку. Сел и перепелтаник.

Подсматриваю, что там творится.

В вереске сидел ястребок. Приподняв взъерошенную голову с загнутым вниз клювом, он таращил круглые глаза на «представление», которое устроила ему вертишейка.

Как же выкрутасничала вертячка! Серенькая с крапом птичка неузнаваемо преобразилась. Она изгибала шейку, вращала ею вокруг туловища, а темная полоска от ее затылка к спине — так и извивалась. Голова крутиголовки то к хвосту тянулась, то клюв поднимала торчком, и при этом птичка шипела.

Знала ли вертишейка, что она подражает змее? Конечно, нет! Не всякой вертишейке приходилось видеть змею. Предки этой птички в своих ужимках дошли до такого совершенства, что спасительный прием стал инстинктивным. Как-то взял я птенца вертишейки, а он, как заводная игрушка, сразу заворочал шейкой, стал уморительно кривляться у меня на руке — «пугал»...

Ястребок так и не тронул кривляку: угрожающие движения змеи, которую, возможно, он и не встречал никогда, видно, устроили его.

Вертишейка «поакробатничала» еще, а потом спохватилась — теперь можно на крыльях спастись — и вспорхнула.

Понаблюдайте, в природе много таких вот чудес.

А. Шевченко.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ КАРТИНА ХУДОЖНИКА ЦЗЯНЬ ЧЖАО-ХЭ

В этом году 1-го октября исполняется семь лет, как свободный китайский народ строит новую жизнь. В Китае искусство служит не избранным, не знати, как это было в прежние времена, а рабочим и крестьянам, всем, кто трудится для пользы своей страны. Многие китайские художники работают на полях и стройках, чтоб лучше узнать жизнь своего народа. Их картины отображают великие изменения, которые происходят в Китае.

Прекрасные картины создает художник Цзянь Чжао-хэ. Ему свыше 70 лет. Он передает секрет своего мастерства талантливым ученикам Центрального института изящных искусств в Пекине.

Одна его картина «Дедушка и внучка» помещена в этом номере «Костра».

На первый взгляд в ней нет ничего примечательного. Изображение стариков, которые не расстаются с длинной прокуренной трубкой, таких девочек в пионерских галстуках с черными косичками можно встретить на каждой улице каждого города Китая.

Что же хотел сказать этой картиной автор? Посмотрите внимательнее. Взгляд старика устремлен вдаль... Он слушает внучку, которая читает ему газету «Женьминь жибао», а мысли его где-то далеко. Он, наверное, вспоминает свою молодость... Давно, еще юношей, он участвовал в восстании «Ихэтуань», боролся за свободу своей Родины, но жестоко расправились империалисты с восставшими. В памяти старика встают годы японской оккупации, когда китайцев убивали за то, что они китайцы. Он помнит страшные голодные годы при гоминдановцах, когда люди умирали на дорогах...

У его внучки — пионерки — совсем другая жизнь! Эта девочка учится в школе и, как все китайские ребята, учится хорошо. А ведь китайским школьникам гораздо труднее заниматься, чем советским ребятам. В русском алфавите всего тридцать две буквы, а для того, чтобы написать самый простой китайский текст, надо знать полторы тысячи иероглифов. Свободно же прочтет современную китайскую книгу тот, кто выучит три-четыре тысячи знаков. Это не малый труд — научиться разбирать сложные значки — изображения слов — иероглифы.

Раньше в Китае говорили: «учить старого — все равно, что бить в дырявый барабан», то есть, толку мало.

Теперь в Китае учатся все, и дети и взрослые. И нередко пионеры помогают старшим в учебе. Вечером, после работы на полях и на заводах, приходят взрослые люди в школы по ликвидации неграмотности. И скоро в Китае не останется ни одного неграмотного человека.

В одной семье все уходило по вечерам учиться — все, кроме маленьких детей и старого дедушки. Он присматривал за малышами.

Но не оставался же ему неграмотным! И вот пионеры решили помочь старику овладеть грамотой.

На стенах, дверях, потолке, на каждой вещи ребята написали иероглифы, которые обозначали эти предметы. И дедушка быстро выучил сложные знаки. Тогда ребята написали новые иероглифы на других вещах.

Теперь старик сам пишет письма своим родным, а их у него много во всей стране...

Не думаете ли Вы, что художник нарисовал именно этого дедушку со своей внучкой?

Пионеры Китая совершают много и других благородных поступков. В одном районе уезда Учан не хватало почтальонов. Письма и газеты приходили с большим опозданием. Пионеры взяли на исправление дело. После занятий они шли на почту, брали корреспонденцию и разносили по адресам. Неграмотным ребята читали газеты, журналы, писали ответы на письма... Этим ребятам министерство связи объявило благодарность.

Может быть, в своей картине художник показал, как девочка читает газету старику, который еще не научился читать?

У китайских пионеров есть свой маленький пятилетний план. Они по мере сил помогают старшим строить светлое будущее — социализм.

В Китае мало рощ и лесов, потому что в прежние времена никто не заботился о лесонасаждениях.

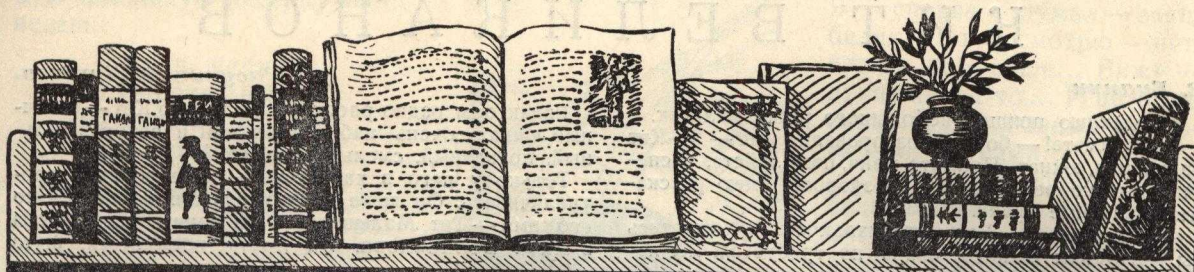
В городе Цзинани пионер Лю Чжао стал собирать семена деревьев. Его поддерживали другие пионеры... Теперь по всей стране дети сажают миллионы деревьев, хотят превратить свою родину в цветущий сад.

Может быть, на картине Цзянь Чжао-хэ пионерка читает дедушке сообщение о новых успехах юных садоводов.

Подумайте, ребята, о чем хотел рассказать художник Цзянь Чжао-хэ, создавая эту картину?

СТРАНИЧКА ДРУЗЕЙ КНИГИ

Дорогие друзья! У каждого из вас есть любимое занятие. Один собирает марки. Найдет какую-нибудь, особенную, и нет счастливей его на свете. Другой строит авиамodelи. Третий увлекается футболом.

Чем же любят заниматься все? Без чего вам трудно было бы прожить даже день? Без книжечек. Редко, очень редко найдешь человека, который не любит читать. В самом деле: прости-таешь хорошую книжку, и словно познакомишься с хорошим человеком, который всегда останется для тебя верным другом.

Кажется, черненькая строчка на белом листе бумаги — словно дверца в окружающий мир. Приоткрой ее и увидишь что-то новое. Книга — помощник человека. В каждой школьной библиотеке есть немало новых интересных книг. Давайте перелистаем их.

А теперь посмотрите на этих дружных ребят. Они живут в Нью-Йорке.

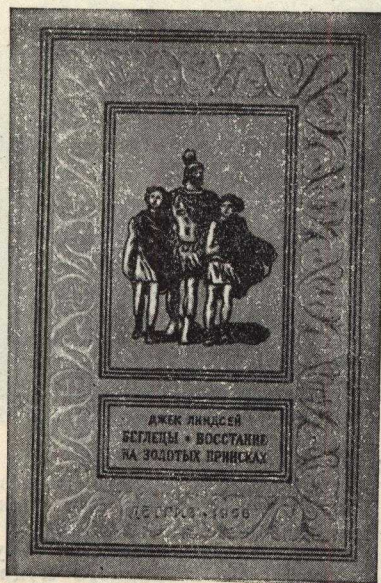
Книжка называется «Дик с 12-й Нижней».

На 12-й Нижней нет небоскребов и ослепительно ярких реклам. Это улица рабочих и безработных.

Много приключений произошло с Диком Гордоном, его товарищем Майком, по прозвищу Бронза, и другими ребятами.

Прочитайте эту книгу, и вы узнаете, как тысячи нью-йоркских рабочих помогли Дикун трудную минуту.

...Темной ночью бежали мальчишки-рабы Бренн и Марон от своего хозяина. Они решили во что бы то ни стало пробиться на юг Италии, где вождь вос-

ставших рабов Спартак сражался с римскими легионами.

Смертельная опасность грозила беглецам на каждом шагу. Мужество, осторожность, сметливость помогли им преодолеть все препятствия и обрести желанную свободу.

Об этом рассказывает повесть «Беглецы» современного английского писателя Джека Линдсея.

Вторая его повесть, напечатанная в этой же книге, перенесет вас в гущу событий, которые произошли сто лет назад в Австралии. Называется она «Восстание на золотых приисках».

А вот еще одна книжка. Ее написал польский писатель Ян Грабовский.

Посмотрите, как удирает курица Лысуха от озорных щенков Рекси и Пуцка.

Это веселые рассказы о разных животных — гусыне Малгоше, вороненке Пипуше, черном петухе Разбойнике, маленькой овечке Метке, о том, какие забавные происшествия с ними случались и в какой дружбе они жили с ребятами.

Напишите нам, друзья, о новых книгах, которые вы уже прочитали. Ведь это будет интересно всем ребятам.

КИТ ВЕЛИКАНОВ

В. Бианки

В редакцию пришел небольшого роста мальчик. — Здравствуйте! — бойко поздоровался он. — Я — Кит Великанов, юннат. Примите меня, пожалуйста, в специальные корреспонденты. Я здорово умею рассказывать лесные враки.

— Странная у Вас специальность, — удивились мы. — Но нам Вашего товара не требуется: мы печатаем только правду.

— Как так — „не надо“? А разве Вам не надо, чтобы Ваши читатели думали, когда читают журнал?

— Мы думаем, что они думают.

— Хэ! А я думаю, что они думают, что Вы думаете за них, а потому они думают, что им думать нечего. Напечатано у Вас: „Жалуются птицы на кошек и мальчишек, что разоряют их гнезда“? Напечатано! А они — птюшки — то — тварюшки бессловесные, они, бедняги, плачут слезами невидимыми и словами совершенно никому не жалуются. А читатели беспрерывно подумают, что так-таки словами и пришли жаловаться в редакцию. Я их знаю! Сам читатель!

— Ну, уж, ну! Наши читатели отлично понимают, что птицы не разговаривают на человеческом языке.

— Ну и пусть! Все равно они не умеют анализатически... это, как его!... критикатически подходить к биологическим фактам. Вот я и придумал такую игру, чтобы им было над чем подумать.

— А-а, так у Вас игра. Это — другое дело! Покажите. Мальчик вынул из кармана помятую тетрадку и положил перед нами.

Всем рассказ показался интересным и полезным. Мы взяли его у Кита — и просили приносить еще.

Потом оказалось, что это тот самый Кит Великанов, который выступает по Ленинградскому радио.

Рисунки В. Курдова.

Редакторы радио рассказали нам, что Кит — отличный юннат, очень наблюдательный и сообразительный, правдивый, смелый и веселый.

Только у него в характере — все немножко преувеличивать. Он даже себя увеличил: настоящее-то его имя — Тит Малышкин, а он переименовал себя в Кита Великанова. Он любит посмеяться, шутя обмануть — но в конце концов всегда сам себя, что называется, „выводит на чистую воду“, разоблачает и говорит чистую правду.

Нам удалось достать его портрет. Мы с удовольствием помещаем его здесь, чтобы наши читатели могли познакомиться с нашим знаменитым лескором.

Все необходимые разъяснения к своим рассказам Кит даст в конце. А читать его рассказы просим наших читателей собираться, по возможности, группами — кружком или классом. Как только в рассказе встретится какое-нибудь биологическое наблюдение, сообщение или даже соображение или приключение, ставьте у себя на бумажке одну из двух букв — смотря потому, как вы расцениваете сообщенный в рассказе факт. Если думаете, что это правда, — ставьте букву П („правда“); если не верите тому, что сообщил Кит, — ставьте букву В („врака“).

В каждом из рассказов Кита десять фактов, всего четыре рассказа. После „разъяснений Кита Великанова“ вы сможете подсчитать заработанное количество очков. Если все сорок фактов расцените правильно, получите **первый приз** и с ним — **звание первого мудреца и разоблачителя врака**. Чтобы получить **второй приз** и звание **второго мудреца**, надо получить тридцать очков, а **третьего** — двадцать очков.

ДЕСЯТЬ МОИХ НАБЛЮДЕНИЙ

В это воскресенье я встал рано-рано: решил поехать за город, посмотреть, что там у них делается — в животном и растительном мире.

Только добежал до Невы — батюшки-светы! — что за чудо: летают над

водой две большие чайки необыкновенного цвета: снизу и сверху белые, как снег, а крылья черные — как приставные!

А под самым мостом дикие утки плавают. Раз! — и нырнули!

Вода прозрачная, — мне

с высоты, с моста-то, хорошо видно: нырнули — и поплыли под водой, как по воздуху! Что за чудо: крыльями машут, быстро мчатся под водой!

Подивился я на такие чудеса, — побежал дальше. Бегу, сам про себя старин-

ную школьную песенку напеваю:

„Чепуха, чепуха,
Это просто враки!
Молотками на печи
Сено косят раки!“

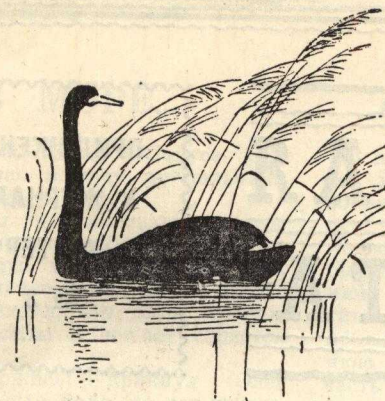
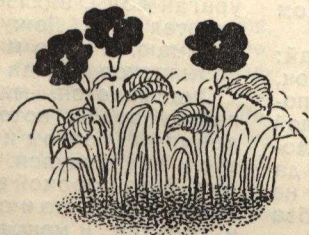
Ну, в электричку сел, до знакомой станции быстро доехал; тут сразу — лес, а за ним — море, Финский залив.

На море крик стоит: пролет водоплавающей птицы в самом разгаре. Залез я на дерево, чтоб видней было — бинокль к глазам... И чуть его не выронил: пятнадцать штук черных, как уголь, лебедей!

Гром и молния! Видал ли кто-нибудь, кроме меня, конечно, эдакую красотищу под самым городом Ленинградом! Вот это мне так повезло!

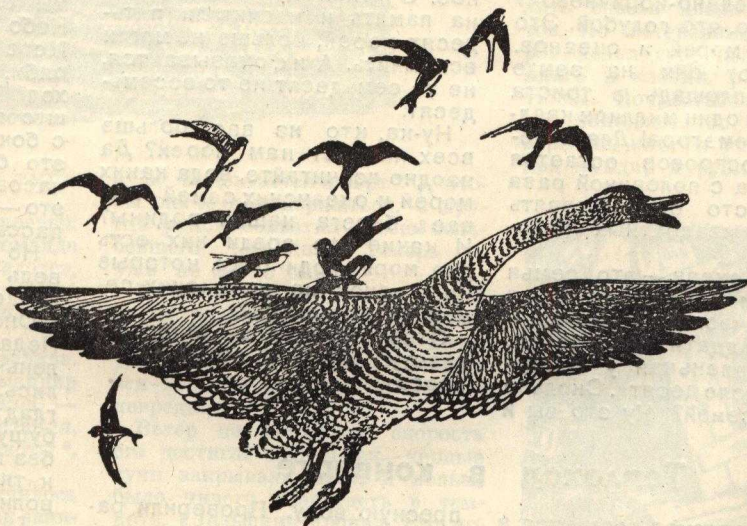
Глядь, а тут еще к лебедям и дикие гуси подсаживаются. Целое стадо. И у каждого со спины — можете себе представить! — срысывается стаячка ласточек и стрижей. Весь воздух сейчас же наполнился снующими по всем направлениям легкими гостями.

Прилетели, милые! Большие, сильные гуси принесли

их из-за моря на своих широких крыльях. Вот спасибо им! Мы так их ждем!

Я оглянулся на лес — там в полном цвету, распространяя вокруг себя сладкий

медовый дух, стоят высокие липы. Всюду на пригорках цветут блестящие черные цветы — забыл их название. И то и дело доносятся до меня нежные блестящие песни барашков. Вы, конечно, знаете, что весной барашки у нас поют хвостиками?

Долго сидел я на дереве, — наслаждался весенними звуками, ароматами, красками... Вдруг вижу: пробирается между кустов что-то белое...

Я сперва думал — заяц, беляк. Потом смотрю — нет, что-то поменьше... Вижу — птица какая-то... И не чисто белая, а с большими желтоватыми пятнами.

„Эге! — сообразила я. — Да ведь это та наша птица, которая белоснежный свой зимний наряд, как заяц, меняет на летний — цветной!“

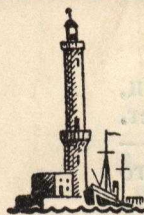
Но время близилось к полудню. Я проголодался, слез с дерева и побежал на станцию. Какие-то тени мелькали в лесу. Я думал — это носятся над деревьями ласточки. Пригляделся — а это летучие мыши! Тоже, значит, повывезли и они из своих зимних убежищ.

И уже на опушке леса, перед самой станцией электрички, мне удалось сделать десятое интересное наблюдение, точнее — находку: я нашел и собрал под кусточками полную кепку вкусных грибов!

И мама сварила мне их к ужину!

Кто разгадает какое из этих моих наблюдений самое интересное, какое неправдышное — получит два очка. А бывают и полуправдышные наблюдения, — вот сами увидите, когда прочтете мои „Разъяснения“ в конце! — за разгадку таких — одно очко.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ

„КОСТЕР“

№ 3

СКОЛЬКО МОРЕЙ НА СВЕТЕ?

Посмотрите на карту земного шара или на глобус. Какой краски тут больше — голубой или зелено-коричневой? Сразу видно, что голубой. Это цвет воды морей и океанов. И занимают они на земле огромную площадь в триста шестьдесят один миллион квадратных километров! Для материков и островов остается места в два с половиной раза меньше — сто сорок девять миллионов квадратных километров.

Каждый океан — это семья морей. Самая большая семья у Атлантического океана — больше двадцати пяти морей, а самая маленькая у Индийского — около десяти. Сколько же таких семей? Ну это вы и

без меня, наверное, знаете. А вот сколько всех морей на свете — сосчитать труднее. Считали мы с приятелем на память и насчитали пятьдесят морей, больше не могли вспомнить. А их, оказывается, не то семьдесят не то восемьдесят.

Ну-ка, кто из вас больше всех назовет нам морей? Да заодно посчитайте, вода каких морей и океанских семей омывает берега нашей родины? И какие это среди них есть два моря — одички, которые ни к одной из океанских семей не относятся?

Ответьте нам в „Морскую газету“ на эти четыре вопроса.

Теплоход в конверте

Речной теплоход готовится в морскую дорогу. Он у пел уже проделать немалый путь. А впереди — Северный Ледовитый океан.

Подготовка к такому рейсу началась с упаковки. Вещи? Нет! Как ни странно, упаковывали... теплоход. Эта упаковка даже и называется по-почтовому: конвертовка. Такую машину — да в конверт! Но конверт тут особый.

Теплоход обшили толстыми досками и брусками, сделали дополнительные крепления. И это для того, чтобы лучше сохранить его во льдах.

Потом починили в трюмы жидкое топливо, продовольствие и

пресную воду. Проверили работу машин.

Теперь можно и в плавание!

ПОСВЯЩЕНИЕ В МОЛЯКИ

По горам я лазал, бродил по пескам, немало по лесным тропинкам ходил. По воздуху летал, по рекам и озерам плавал, даже на верблюде один раз качался. А вот в морском походе — впервые.

Есть такой морской обычай: если в море идет новичок, ему устраивают на судне посвящение — соленой водой „пробуют“! Годится ли в моряки? А я хоть и новичок, да надеялся, что в воду меня не очунут. Думал: обойдусь без этого. Да не обошлось.

Поднимался я как-то по

Мертвая зыбь

Сухопутного человека в море многое удивляет. Вот, например, цвет воды. Когда тучи, Белое море кажется совсем белесым, почти ртутным, а когда чистое небо, море синее-синее. Волна под бортом кажется густой, черной, будто лакированная. А за винтом в пене обнажается нежный зеленый цвет.

Или вот стоишь на палубе, вспоминаешь загадку: «еду — следу нету» и тут же видишь, как ложится за кормой дорожка — след от теплохода. Как будто через все море тянется и долго-долго, часами, а если тихая погода, то и сутки держится она на воде. Вот тебе и «следу нету»!

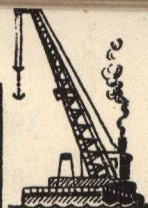
Но самое удивительное — это мертвая зыбь. Испытали мы ее в Баренцевом море. Небо было чистое, солнечное. Море — гладкое, даже без ряби, — полный штиль. А теплоход раскачивает, как будто штурм налетел. Валит судно с боку на бок, и называется это бортовой качкой. Десять часов качало. Для моряка это — пустяк. А для новичка — пассажира удовольствия мало.

Но в чем же дело? Море-то ведь спокойное; отчего же качает?

Оно только с виду спокойное. Недавно шторм прошел. Маленькие короткие волны улеглись. Вот море и кажется гладким. А внутри волны еще бушуют. Большие, длинные, они без всяких гребешков все еще катятся и катятся. На глаза волн не видно, а судно качает.

Так я узнал, что такое мертвая зыбь.

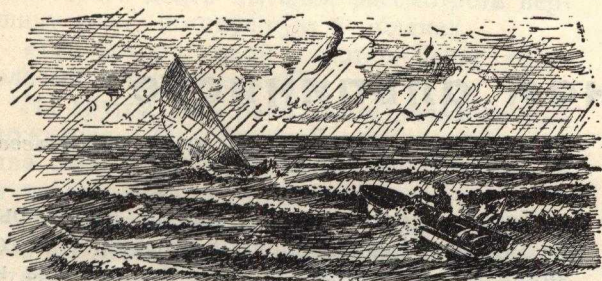

ЯХТЫ ВЫШЛИ В МОРЕ...

Это случилось в жаркий летний день. Два швертбота готовились к выходу в Финский залив.

Тренер детской спортивной школы—Евгения Сергеевна Пылкова следила за тем, как поднимали паруса на «Дельфине» и «Кашалоте».

— Ножи взяли? Ничего не забыли? — спросила она рулевых Олега Якимова и Володю Васильева, давая команду отправляться.

Лавируя в бухте, яхты выходили в море.

Евгения Сергеевна за рулевых не беспокоилась, но в команде были и новички. На «Кашалоте», например, Вале Арапову всего 12 лет, он только осенью пришел в клуб.

Легкий ветерок дул с залива. Яхты шли хорошо. Командир «Кашалота» — Олег Якимов — деловито отдавал приказания, ребята ловко выбирали шкоты*, меняя курс яхты.

Вдруг на горизонте появилось темное облако, которое, как свинцовый валик, катилось навстречу. Верхние края его быстро расплывались по небу. Налетел ветер. Паруса на яхте задрожали, корпус накренился — шкоты натянулись, как тетива лука. Хлынул дождь, взбуревалась вода. некогда уже опускать паруса, надо срочно резать шкоты, чтобы не перевернуться.

Олег лихорадочно искал нож, но не находил: видно, когда передевал спортивную форму, забыл переложить его из кармана.

Яхту заваливало на бок. Ребята, стараясь выправить корпус своей тяжестью, почти лежали

* Шкот—веревка для управления парусами.

на одном борту. Паруса уже окунулись в воду, и мальчики вцепились в борт.

Волны перекачивались через опрокинутую яхту — готовы были смыть четырех мальчишек. Все сильнее ревел ветер. Вдруг Олег увидел, что Валя Арапов, теряет силы и вот-вот сорвется в воду.

— Держись! — крикнул Олег в самое ухо Вали, но тот не поднял головы. Тогда Олег, обдирая кожу, засунул руку в щель (от-

куда выдвигается шверт**), чтобы легче было держаться, а другой рукой обхватил совсем ослабевшего товарища. Теперь их уже не могло смыть.

Когда через час спасательный катер подобрал ребят, у Олега распухла и посинела рука, но он улыбнулся Евгении Сергеевне: вся команда «Кашалота» цела и невредима!

Ветер не унимался, скорость его достигла 25,1 м/сек., черные тучи закрывали небо, и нельзя было ничего разглядеть в темноте. «Дельфин» пропал. Его искали всю ночь, но не нашли.

К утру ветер стал стихать, небо очистилось и, когда первые лучи солнца окрасили горизонт, на наблюдательной вышке увидели парус «Дельфина».

Швертбот подошел к бону, и Володя Васильев доложил Евгении Сергеевне, что во-время срезали шкоты и выбросились на мель, где переждали ураган.

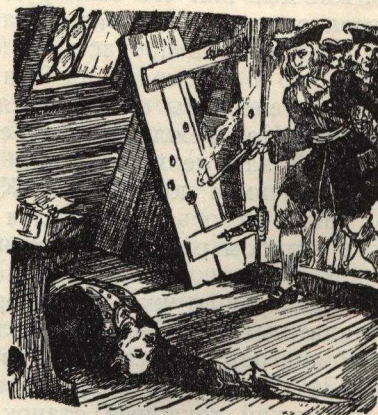
М. Данини

** Шверт — металлический лист, проходящий сквозь отверстие в киле и служащий для уменьшения сноса судна по течению.

МИЧМАН СУХОТИН

В ночь с 6 на 7 августа 1808 года, во время русско-шведской войны на русский гребной фрегат* внезапно напали враги. В первой же рукопашной схватке был ранен двадцатичетырехлетний мичман Василий Сухотин. Окруженный шведами, он попытался пробиться на нижнюю палубу, где оборонялась часть команды. Но это ему не удалось. Получив вторую рану, он бросился к себе в каюту и заперся в ней. Здесь хранились секретные сигнальные книги, которые попав в руки врагов, могли послужить во вред русскому флоту.

Собравшись у дверей каюты, шведы предлагали Сухотину сдаться, грозили смертью. Не получая ответа, они начали стрелять сквозь дверь из пистолетов. Но истекавший кровью герой делал свое дело, — он рвал книги в клочки, рубил их кортиком. Почувствовав, что силы его покидают, он спрятал все обрывки книг к себе на грудь, под мундир и рубаху.

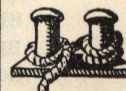
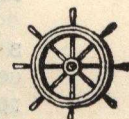

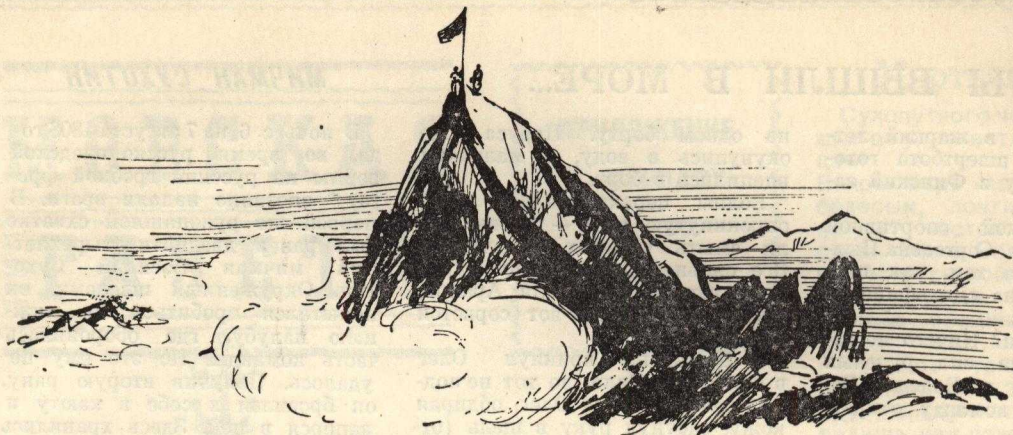
Когда врагам удалось взломать дверь каюты, они нашли Сухотина мертвым, пораженным пятью пулями, но разорванных им книг не обнаружили.

Так погиб смелый патриот.

В. Глинка

* Крупное, но мелко сидящее судно с артиллерией до 40 орудий, приспособленное к плаванию вдоль берегов под парусами и на веслах.

Рассказ об одном альпинисте

А. Садовский

Рисунки П. Кондратьева

Выше облаков поднимался этот маленький бесстрашный человек и побывал на самых больших вершинах страны. Даже горные орлы не взлетали так высоко.

Он шел по тропам, которые сам проторил в снегу. Каждый шаг его был труден и опасен. Нередко снежная или каменная лавина грозила унести его в пропасть.

Я знаю, что и вы смелые, ребята! И кому из вас не хотелось бы отправиться в такое путешествие! Но прежде давайте спустимся в подземный зал ленинградского метрополитена и домчимся до станции «Кировский завод». Там у взморья раскинулся большой завод, на котором работает Евгений Белецкий.

Много лет прошло уже с той поры, когда четырнадцатилетний Женя приехал с Украины в Ленинград и поступил в заводскую школу ФЗУ. И в ту же пору на завод привезли новенький токарный станок, о котором знающие люди говорили, что это чудо из чудес. Посмотреть на необыкновенный станок каждому хотелось. И Женя с друзьями отправился в цех.

В других цехах станков так много, что и не сосчитаешь. А этот станок почему-то поместили в отдельной пристройке да еще обогревали электрической печкой. Такой он неженка! Долго смотрел Женя, как со станины нового станка сползает золотистая стружка, и вдруг сказал:

— Вот бы мне такой!
— Тебе?

Друзья расхохотались. Даже инженеры не могли сдерживать обидной улыбки. Они-то знали, что на всем свете не было тогда и десятка таких станков.

Женя упрямо оттопырил нижнюю губу и ушел, не сказав больше ни слова. А вечером, после занятий, вернулся в пристройку.

Потом каждый вечер он приходил сюда и терпеливо изучал станок. А если чего не понимал, обращался к инженерам. И тогда они поняли, что он вовсе не хвастунишка. Маленький упрямец добился своего — ему доверили дорогой станок.

Прошло еще несколько лет, и Евгений Белецкий стал одним из лучших токарей страны. Он даже написал несколько книжек о том, как он работает.

Разговаривая с нами, Белецкий берет несколько обработанных деталей и отходит к окну. Разглядывая их, он хмурится и топырит нижнюю губу. Как он похож на вас в эту минуту! Да-да, не смейтесь, ребята, — на вас, хотя он вчетверо старше! Вы себя со стороны не видели, а я вас видел.

Евгений Андрианович делает детали для новой паровой турбины, которая будет работать с огромной скоростью. Если в такой турбине вдруг расшатается какая-нибудь деталь, она вырвется, как снаряд из дула орудия. А если встретит на пути стену — пробьет ее насквозь. Вот почему озабочен токарь Белецкий. Ему надо так точно сделать все детали, чтобы щели между ними были в десять раз тоньше самого тонкого

человеческого волоса. Тогда деталь не вырвется...

Альпинистом Белецкий стал, когда был еще совсем молодым. Для первого подъема он выбрал гору Тютюн-Баши на Кавказе.

Еще никому не удавалось подняться на эту вершину.

Осторожные альпинисты останавливали его. Ведь он был еще совсем неопытен. Ему рассказали историю всех неудачных подъемов на Тютюн-Баши. Пусть знает, кого не любит седая гора: таких упрямых, как он! Недавно на Тютюн-Баши погибли два английских альпиниста.

Молча Женья Белецкий выслушал страшные рассказы. Потом отправился на перевал, с которого долго пытался рассмотреть вершину горы, потонувшую в облаках.

«Так вот он какой — Тютюн-Баши: седовласый и таинственный!»

На другой день рано утром началось восхождение. На Тютюн-Баши поднимались два смельчака: маленький токарь Белецкий и рослый доктор Мытников.

Через два дня они вошли в облака. И оба заболели «горной болезнью». Им трудно стало дышать, в ушах звенело до тошноты, кружилась голова. Альпинистам хотелось лечь, закрыть глаза... Но они упрямо продолжали свое трудное восхождение.

Прошел еще день — облака рассеялись. Яркое солнце осветило весь Кавказский хребет. Прямо над собою Белецкий и Мытников увидели огромный черно-белый конус. Это была вершина, к которой они стремились. Усталые, изможденные, они всё-таки достигли ее.

На вершине Тютюн-Баши альпинисты сложили маленькую пирамиду из камней и высекли ледорубами свои имена.

Внизу Белецкого спросили: «Больше не вздумаете подниматься на Тютюн-Баши?»

— Зачем? Ведь я уже сделал отметку

на вершине Тютюна... Я выберу другую гору для нового подъема. Более высокую.

— Так во-от вы како-ой! — протянул старый альпинист. — С характером.

Да, такой уж упорный был Женья Белецкий. Трудности его не испугали, но заставили призадуматься. Что же будет дальше? Ведь он собирается на Памир, а там вершины куда больше и страшнее, чем Тютюн-Баши.

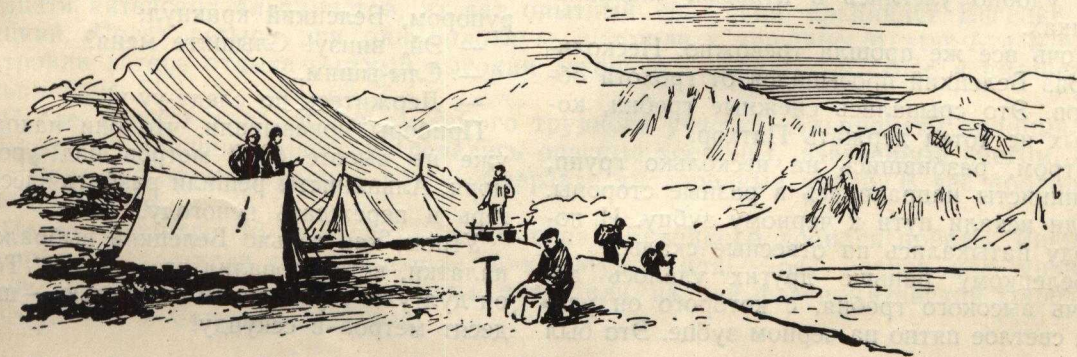
Памир называют «крышей мира». С Памира можно увидеть четыре страны: Советский Союз, Китай, Индию и Афганистан. Но одной только смелости для восхождения на «крышу мира» мало.

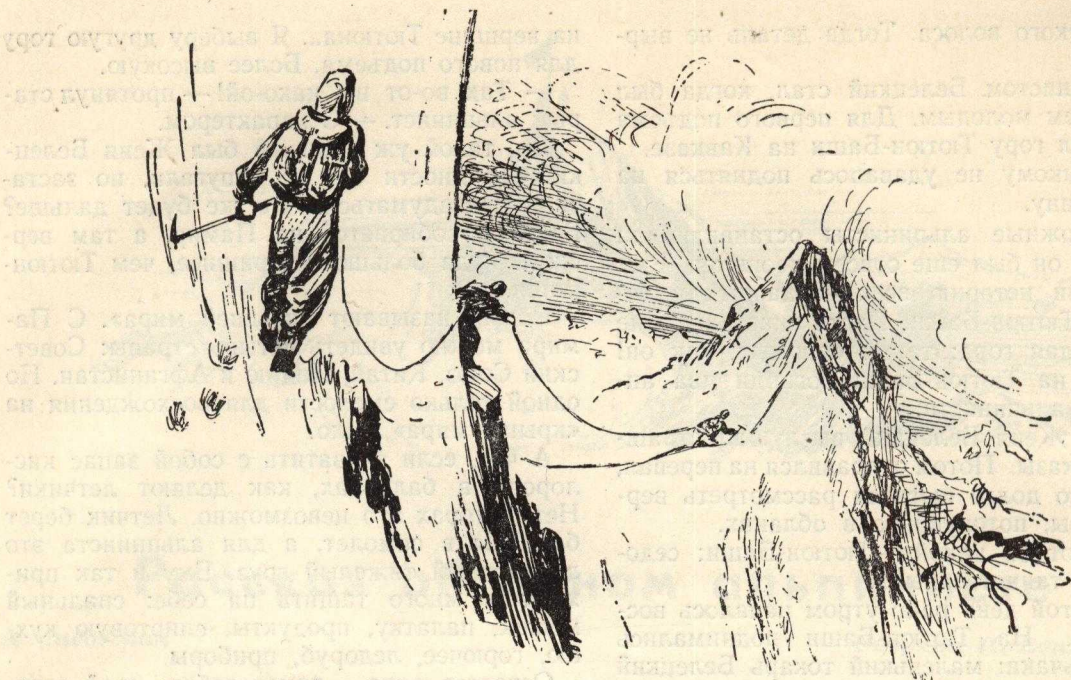
А что, если захватить с собой запас кислорода в баллонах, как делают летчики? Нет, в горах это невозможно. Летчик берет баллоны в самолет, а для альпиниста это добавочный тяжелый груз. Ему и так приходится много тащить на себе: спальный мешок, палатку, продукты, спиртовую кухню, горючее, ледоруб, приборы.

Остается одно — приспособить свой организм к кислородному «голоданию». Человек привыкает к морозу, к жаре, он может привыкнуть и к разреженной воздушной среде. Опытные альпинисты поднимаются в горы, строят там лагерь и живут в нем три-четыре дня, а то и неделю. Потом переносят лагерь повыше и еще выше. Когда организм достаточно закалился, можно начинать штурм вершин.

Многое узнал Белецкий перед восхождением на «крышу мира». Альпинизм оказался настоящей наукой. И он изучал ее так же усердно, как когда-то свой токарный станок.

Перед штурмом одной из самых больших вершин Памира — Патхора — Белецкий поднялся на Южно-Памирский перевал. Оттуда он увидел черный зубец, который резко выделялся на чистом, как хрусталь, небосводе. Разложив на коленях карту, вы-

числил расстояние до зубца: сто сорок километров. Как далеко видна эта гора!

Местные жители говорят, что Патхор — колючка. Никто никогда даже и не пытался взобраться на эту гору. Но есть, — говорят они, — на Патхоре ущелье, куда проникали только смелые охотники.

Проник в это ущелье и Белецкий. А потом привел сюда отряд из двенадцати человек.

Они разбили первый лагерь у небольшого мутного озера. Свой ужин альпинисты согрели на спиртовках. Командир заботливо проверял, как они едят. Перед восхождением надо есть обильно, вкусно и питательно. Когда они поднимутся еще выше, аппетит пропадет, Белецкий знал это уже по опыту.

После ужина они растянули палатки. Все удобно улеглись в пуховых спальнях мешках.

Ночь все же прошла тревожно. Несколько раз Белецкий просыпался от грохота обвалов. Это срывались снежные гребни, которых не хотел держать Патхор.

Утром, разбившись на несколько групп, альпинисты направились в разные стороны. Люди искали пути к черному зубцу. И повсюду натывались на отвесные скалы.

Белецкому раньше других удалось достигнуть высокого гребня, с которого он увидел светлое пятно на черном зубце. Это был

ледник. Он держался на покатости. Там, наверно, смогут удержаться и люди.

По леднику поднимались четырьмя связками: по три человека в каждой. На ногах были тяжелые альпинистские ботинки с шипами. И всё же ноги беспрерывно скользили. В леднике приходилось вырубать ступени. Но еще труднее было идти по глубокому снегу. Люди погружались в него по пояс и плыли, разгребая руками и всем телом сухой, легкий, горный снег.

Внизу стояла удушливая жара. А здесь термометр показывал уже 25 градусов ниже нуля. Морозный ветер обжигал лицо. Белецкий опустил маску, но она сразу покрылась ледяной коркой, и дышать стало еще труднее. Он откинул маску на шлем и стал тереть лицо перчаткой. А ветер дул всё сильнее и сильнее. Колючий снег слепил глаза. Кругом ничего не было видно. Сложив ладони рупором, Белецкий крикнул:

— Эй, внизу! Слышите меня?

— Слы-ышим...

— Держитесь по следу-уу-у!

Приборы показывали, что они находятся уже на высоте 6900 метров над уровнем моря. Альпинисты решили разбить здесь лагерь и переждать непогоду.

Утром, как только Белецкий выбрался из палатки, ветер повалил его на снег. Теперь он дул уже с ураганной скоростью — шестьдесят метров в секунду!

Два дня маленькая горстка смельчаков переживала бурю. А когда она, наконец, утихла и они начали штурм вершины Патхора, чуть не погиб сам командир отряда. Он не прошел и ста метров, как вдруг увидел над собой каменную плиту. Она висела прямо над головой. Он ухватился за плиту и начал приподниматься, напрягая все свои мышцы. Неожиданно плита качнулась, сдвинулась и навалила ему на ногу.

«Вот и смерть пришла, — подумал он, бледнея, но тотчас приказал самому себе: Только без паники. Слышишь?»

Он решил, что должен согнуть ногу и попытаться коленом удержать сдвинувшуюся плиту. Только в этом спасение!

Плита действительно удержалась. Но он почувствовал острую боль, от которой закружилась голова. На помощь поспешили альпинисты из его связки. Они ухватились за плиту, пытаясь передвинуть ее на другое место.

Но Белецкий вдруг крикнул:

— Отойдите!

Они удивились. Почему он гонит их? Может быть, у него помрачился рассудок? Ведь и такое случалось с альпинистами, когда они попадали в беду.

Нет, он рассудка не потерял. Самый опытный в отряде, он знал, что происходит, когда резко сдвигают каменную плиту. Она сваливается, увлекая другие камни, и вниз катится страшная лавина. Вниз, где находятся люди из других связок.

«Плита тяжела, — думал он, — но она держится, опираясь на мое колено. Значит, она нашла надежную опору. А ледоруб? Вот он у меня в руке. Разве он плиту не удержит? Должен удержать. Важно только опять найти надежную точку опоры».

И Белецкий осторожно перевел тяжесть с колена на ледоруб. Плита не шелохнулась. Он шагнул в сторону, потер ушибленное колено и с грустью посмотрел на свой ледоруб. Жаль было оставлять его. Ведь он так верно послужил ему в горах. Но придется подарить ледоруб Патхору. И это не такая уже дорогая плата за жизнь целой связки людей, а может быть, и всего отряда.

Шесть суток продолжался подъем. На шестой день они достигли, наконец, вершины Патхора. Они поднялись на небольшую площадку, которой венчалась грозная вершина.

Маленький отряд с трудом поместился на ней. Тесно прижавшись друг к другу, люди смотрели на огромный мир, простиравшийся перед ними внизу. Белецкий задумчиво глядел на видневшуюся вдали вершину, о которой он знал только по рассказам. Розовые блики скользили в этот солнечный час по ее чистой голубизне. Это был пик Карла Маркса — одна из пяти величайших вершин нашей страны.

Теперь он знал, что ему еще надо сделать, когда он спустится в долину. После короткого отдыха — начать новый подъем.

7547 метров — высота взята!

ПЕКИН. (По телефону). На-днях совершенно восхождение на Музтаг-Ата.

Музтаг-Ата, или Отец Ледяных гор, самая большая гора Китайской Народной Республики, одна из величайших вершин мира. Эту грозную вершину, покрытую вечными льдами, неоднократно пытались покорить сильнее европейские альпинисты. Все их попытки кончались неудачей.

На этот раз Музтаг-Ата штурмовал отряд из девятнадцати советских и девятнадцати китайских альпинистов, их вел опытный советский альпинист Евгений Белецкий. Через четыре дня они вплотную подошли к вершине Музтаг-Ата и здесь устроили лагерь отдыха — самый высокий лагерь в истории советского и китайского альпинизма.

После отдыха начался штурм самого трудного участка. Альпинисты поднимались по крутому леднику. Часто встречались опасные трещины, заваленные снегом. При сильном морозе и встречном ветре обмерзали кислородные маски. В час проходили 50—60 метров.

После упорного 16-часового штурма отряд Белецкого добился победы. Впервые альпинисты достигли самой высокой точки Музтаг-Ата — 7547 метров над уровнем моря. Покорители грозной вершины водрузили на ней флаги Китайской Народной Республики и Советского Союза.

Сербские сказки

Жил в Герцеговине бедный человек.

Была у него жена — не было сыновей. Был дом — не было крыши. Был овин — не было зерна. Было имя — да все забыли.

Пошел он по белу свету, как пчела по всепенному цвету, искать счастья да удачи.

Спрашивают его люди:

— Ты кто такой?

А он в ответ:

— Я из Герцеговины.

Так его и стали звать: Герцеговинец. А покороче — Геро. А там и просто Эро.

Ходил Эро по свету, ходил, счастья-удачи не видел, богатства не нашел, а добрую славу нажил.

За словом он в карман не лезет, злomu за обиду отплатит, богатого в дураках оставит, над глупым посмеется, жадного — проучит.

А кто сам без гроша — тому Эро первый друг.

Кто голову повесит — того насмешит. У кого нужда — того утешит. У кого беда — тому поможет.

Вот он какой был — бедняк Эро!

Как Эро поменял свой котелок

Задумал Эро проучить одного богатого и жадного человека.

Пришел он к нему и просит:

— Господин мой, дай мне на несколько дней твой большой котел, чтобы я мог наварить себе каши. А уж я у тебя в долгу не останусь.

Богач говорит:

— Ладно, попользуйся моим котлом.

А сам думает:

«Котлу моему ничего не делается, а у меня даровой работник будет».

На другой день снова пришел к нему Эро. Поставил на стол маленький котелок и говорит:

— Вот, господин, получай свое!

— Да ты что! — кричит богач. — Смеешься надо мной?! Ты мне большой котел отдавай!

— Да ты не кричи! — говорит Эро. — Сначала послушай, что тебе скажу. Вчера у твоего большого котла родился вот этот маленький котелок. Котел — твой, значит, и котелок — тоже твой. Вот я тебе его и принес.

— Ну, это другое дело, — говорит богач. — А за честность тебя хвалю!

И скорее маленький котелок спрятал в сундук.

Прошел еще день. Опять прибежал Эро к богачу.

— Господин мой, — кричит, — беда случилась!

— Какая там беда?
— Твой котел помер!
— Как это помер? Ах ты, мошенник! Да разве котел может помереть?

А Эро ему в ответ:
— Ты ведь поверил, что у твоего котла родился маленький котелок? Так почему же не веришь, что твой котел помер?

Как Эро считал ослов

Гнал один торговец из села в город десять ослов: девять были нагружены всяким добром, а на десятом он сам ехал.

Приехал он в город и стал пересчитывать своих ослов.

Считает, считает — нет одного осла! Хоть плачь! Было десять, осталось девять.

Шел по дороге Эро.

Спрашивает его торговец.

— Братец, не попалался ли тебе мой осел? Одного осла не могу досчитать.

— Да сколько их у тебя было? — спрашивает Эро.

— Было десять, а теперь — девять. Верно, один отстал в дороге.

Тут Эро говорит ему:

— А я вижу одиннадцать ослов.

— Да где же они, скажи на милость!

— Девять перед тобой, десятый — под тобой, а ты сам — одиннадцатый.

Как Эро спасся от смерти

Служил Эро у царя.

И сговорились они так: если Эро во всем будет угождать царю, царь его наградит, а если Эро в чем-нибудь провинится перед царем, царь его казнит.

Проходит день и другой, неделя и другая, а царь ни к чему не может придраться. На совесть служит ему Эро.

И вот однажды донесли царю, что Эро забрался в его сад и сорвал смокву с самой любимой смоковницы царя.

Царь очень рассердился и приказал тотчас привести Эро.

Пришел Эро. Поклонился царю, ждет его слова.

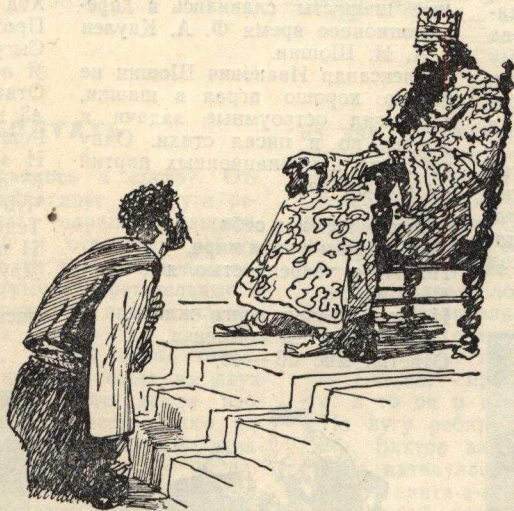
— Здравствуй, Эро! — говорит ему царь. —

Пора мне с тобой рассчитаться. За то, что ты съел смокву, я тебя казню. А за то, что ты служил мне верой и правдой, я дарю тебе свою царскую милость: выбирай сам, какой смертью хочешь умереть.

Подумал Эро и говорит:

— Милостивый царь! Нет конца твоей доброте! И если уж надо мне непременно умереть, так я хотел бы умереть от старости.

Рассмеялся царь и подарил Эро жизнь.

ОТВЕЧАЕМ

(Смотри № 2 журнала, стр. 32)

Коробочка с ртутью была погружена на несколько минут в жидкий азот при температуре около двухсот семидесяти трех градусов ниже нуля. Если то же проделать со школьной резинкой, то она от удара разлетится на острые осколки, как стеклянная.

Шашки на Руси известны со времен седой древности. Одна из онежских былин рассказывает:

«Испроговорит царь Бухарь Заморский:

— Ты, Михайло Потык, сын Иванович!

Чим же нын у вас на России забавляются?

— У нас же на России забавляются, нын играют да в шашечки дубовыи.

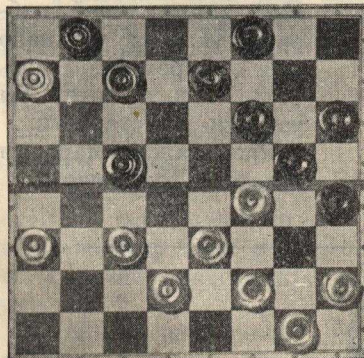
Что ли ставят на дощечки кленовые».

По городам в мануфактурных, зеленных и других лавках собирались за доской торговые и служилые люди. Среди простого народа большим уважением пользовались «Мастера шашечного дела».

К сожалению, лишь легенды дошли до нас о замечательном искусстве выдающихся шашкистов, живших в начале прошлого века, И. П. Хромого и Д. Я. Яковлева.

Но мы можем судить о высоком умении тогдашних русских шашкистов по книге А. Д. Петрова «Руководство к основательному познанию шашечной игры или искусство обыгрывать всех в простые шашки», которая вышла в свет в 1827 году.

В начале нынешнего столетия самым сильным шашкистом России был С. А. Воронцов. 23 года подряд, с 1901 по 1924 год, он оставался бессменным чемпионом страны.

На первенстве Москвы 1927 года в партии против Л. С. Потапова Воронцов, которому уже было тогда за семьдесят лет, провел замечательную комбинацию (см. диаграмму).

Отдел ведет мастер спорта Б. Герцензон

У черных открыто дамочное поле d8. Нельзя ли прорваться в дамки? Воронцов, игравший белыми, жертвой пяти шашек (!) превратил позицию черных в «решето» и выиграл.

1. a3-b4!! c5: a3 2. c3-b4! a3: c5 3. f4-e5 f6: d4 4. d2-c3 d4: b2 5. e3-f4 g5: e3 6. f2: a1.

Эффектный удар, завершающий комбинацию!

Наряду с Воронцовым как сильные шашкисты славились в дореволюционное время Ф. А. Каулен и А. И. Шошин.

Александр Иванович Шошин не только хорошо играл в шашки, составлял остроумные задачи и этюды, но и писал стихи. Одну из своих комбинационных партий он описал так:

...Считая игроком себя
Сильнейшим в этом мире,
Пошел с уверенностью я
С c3 на d4.
И, не заставив долго ждать,
Противник, без сомненья,
Ответил мне d6 — e5,

И началось сражение.

d2 — c3, e7 — d6,
g3 на h4.

Противник мой готовит месть
На удивленье миру.

Глаза его огнем горят,
В них страха нет следа.
Прекрасный ход: h6 — g5
Он делает тогда.

И вижу я — ходов мне нет,
И лишь с трудом едва
Нашел я правильный ответ —
Ход e1 — d2.

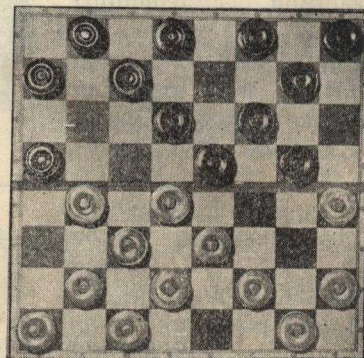
Противник, к горю моему,
Сыграл b6 — a5.

Я поспешил вослед ему
Ответ скорее дать.
a3 на b4 я

Решительно пошел,
И этот слабый ход меня
К гибели привел.

Что было дальше, вспоминать
Теперь не в силах я
И предлагаю доиграть
Другому за меня!..

После 5-го хода белых получилась такая позиция:

Чего же испугались белые и как черные закончили эту интересную партию? Попробуйте найти ответ самостоятельно.

Клуб Смелых Изобретателей и Отважных Ребят

УГОВОР НЕ БОЛТАТЬ

В пионерском лагере готовились к костру. Отряды и звенья в глубокой тайне друг от друга репетировали выступления. Суeta царила страшная. «Клуб смелых изобретателей и отважных ребят» каждые несколько дней подводил итоги. Сегодня вечером зажжется костер и самые изобретательные и отважные ребята получат право на звание членов Клуба и голубую розетку на грудь.

День начинался тревожно. Третий отряд отставал в соревновании, и вся надежда была на двух друзей: Володю Камчу, признанного всеми изобретателя, и Виктора Летунова — бесстрашного покорителя «Пятого Океана», по прозвищу «Реактивщик».

Оба приятеля уже несколько дней что-то мастерили. И вот сегодня, в темном углу сарая досыхала летающая модель воздушного корабля. Гордое имя «КОНДОР» было начертано на ее крыльях.

На изготовление «Кондора» пошли все бамбуковые удильца, которые нашлись у ребят. Страстные рыболовы безропотно отдали их, а девочкам пришлось расстаться с рисунками вышивок — для крыльев «Кондора» требовалась папиросная бумага.

Наконец, все было готово. Осталось испытать самолет.

Стараясь никому не попадаться на глаза, ребята обогнули лагерь и оврагом пошли к скошенному лугу.

Испытатели уже считали, что тайна соблюдена, как вдруг увидели младшего брата Володи Колю со щенком Фотографом. Как всегда щенок уставился

на них блестящими черными глазами и некоторое время стоял так неподвижно, будто фотограф, производящий съемку (за что и получил свое прозвище). Сделав свою собачью экспозицию, Фотограф оглушительно залаял. Оба заговорщика кинулись назад, но поздно — Коля заметил брата.

— Это что у вас, самолет?

— Подводная лодка! — буркнул раздосадованный Володя, отталкивая брата локтем.

— А я вот скажу, что вы из лагеря уходите...

Угроза подействовала.

— Витька, — предложил Володя, — давай возьмем его, а то он и правда разболтает всем...

На лугу ребята укрепили крылья модели оттяжками. Виктор закрутил винт, и толстая резиновая струна натянулась под фюзеляжем.

— От винта-а-а! — закричал Реактивщик, отпуская пружинящий пропеллер.

— Ух! — Он чуть даже не упал, так стремительно рванулся «Кондор» из его рук.

— Летит! Летит! — Не разбирая дороги, все трое помчались за моделью. Впереди с громким лаем бежал Фотограф. А белокрылая модель самолета, круто подняв нос, набирала высоту в синем небе...

Внезапно подул ветер. «Кондор» качнул крыльями и резко изменил направление полета.

— Вовка, — закричал Виктор в тревоге, — его к лесу понесло...

Все трое стремглаз кинулись вдогонку за моделью.

Но произошло неожиданное: новый порыв — и модель упала в озеро. Друзья подоспели слишком поздно. Распластав крылья, вдали от берега

покачивался «Кондор». Мокрая папиросная бумага расплзлась, обнажив остов самолета.

Грустно стояли ребята на берегу. Даже Фотограф притих и улегся на песок, положив голову на свои толстые лапы.

Надо было что-то предпринимать. Виктор решительно направился к воде, намереваясь вплавь добраться до «Кондора». Но не успел он сделать и шага, как его остановил крик Коли.

— Ай! Не ходи! — в ужасе вскричал мальчик, указывая пальцем куда-то на сверкающую гладь озера. — Схватит...

По озеру, стремительно рассекая воду, плыла человеческая рука. Вот она приблизилась к «Кондору» и схватила его, высоко подняв над водой. У самого берега рука, державшая «Кондора», вдруг скрылась под водой. А вслед за этим на поверхности показалась круглая зеленая голова с огромными, как у спрута, глазами.

— Человек-амфибия! — прошептал Володя...

Ребята попятились в кусты.

Чудовище, которое ребята называли человеком-амфибией, наполовину вылезло из воды. Туловище его было таким же, как у обыкновенного человека. Зато от самых глаз его начинался толстый хобот, который через плечо был переброшен на спину. За плечом чудовища висело странное ружье со стрелой, воткнутой в ствол. Широкие ремни перепоясывали грудь.

Ребята из-за кустов подсматривали, есть ли у него хвост. Но хвоста не оказалось.

По мере того, как амфибия показывалась из воды, она все больше и больше становилась похожей на человека. Наконец, шлепая огромными перепончатыми ступнями, амфибия вышла на прибрежный песок. На поясе у нее висел большой сом.

Амфибия нагнулась, схватила себя за хобот, и перед ребятами предстал теперь уже во весь рост действительно самый обыкновенный человек. Только одет он был в легководолазный костюм. Он осмотрелся по сторонам и, никого не обнаружив, произнес с удивлением:

— Чья же это модель?..

— Это наш «Кондор», — сказал Володя, храбро вылезая из-за куста. — Он нечаянно залетел в озеро. Только вы не говорите никому...

— Почему не говорить? Тайна? — Зеленый глаз весело подмигнул.

Из-за куста выползли Виктор и Коля с Фотографом.

— Меня зовут Дмитрий Анатольевич, я инженер, — представился водолаз. — Ну-ка рассказывайте!

Ребята, удрученно вздыхая, рассказали о своих заключениях.

А маленький Коля даже пожал мокрую руку того, кого еще несколько минут назад принял за амфибию.

Инженер решил прийти им на помощь.

— Вот что, — предложил он, — пойдемте ко мне, я дам вам кальку и вы оклеите своего «Кондора» заново.

— Спасибо, только теперь все равно не успеем. Вечером у нас костер, а в пять часов соревнования.

Дмитрий Анатольевич улыбнулся и, одеваясь до бавил:

— Ничего, может быть я и времени немножко вам сумею подарить.

Ребята переглянулись.

По пути инженер рассказывал, как устроен легководолазный костюм и как действует пружинное ружье.

— И вот видите, ружье стреляет неплохо. Вон какого хищника я убил на дне озера. А теперь, друзья, я тоже доверю вам одну тайну. И если вы — мужчины, то не проболтаетесь.

При упоминании слова «тайна» у ребят загорелись глаза. Но они тут же недоверчиво посмотрели на Колю.

Тот правильно истолковал их взгляды, и, чтобы обезопасить себя, подошел вплотную к инженеру и взялся рукой за ружье. «Теперь-то не прогонят», — решил он.

— Так вот, я — изобретатель, — продолжал Дмитрий Анатольевич. — Я построил машину времени.

При этих словах Вова восхищенно спросил:

— Как в книжке?

— Да, как в книжке. Сегодня я буду ее испытывать. Ровно в три часа дня отправлюсь в будущее. Вы не заметите моего отсутствия потому, что вернусь я в ту же минуту, как уеду. И если все сойдет благополучно...

Виктор не выдержал и поспешил спросить:

— Вы поедете один?

Инженер не замедлил с ответом:

— Один! Пока машина не проверена, я не могу брать пассажиров. Но если все окончится благополучно, то, вернувшись, я отвезу вас во вчера. Там вы заново оклеите своего «Кондора», а когда возвратитесь, он окажется сухим и готовым к соревнованиям. Хотите?

Ребята были в восторге от такого предложения. Только лицо Коли не выражало радости: «Машина, будущее — это очень интересно. Но возьмут ли меня с собой?»

В это время где-то вдали, там, где раскинулся лагерь, тонко запел горн.

— Что это? — инженер остановился.

Фотограф, прекрасно научившись разбирать пионерские сигналы, бросился туда, откуда доносились звуки. Этим он как бы приглашал последовать его примеру.

— Обед! — сказал Виктор уныло.

Интересное приключение превалось в самом начале.

— Ну, что ж, бегите! Сейчас двенадцать... Я отпавльсь в три, а вы приходите к четверем. Вон там, — протянул он руку к деревне, — на пригорке мой дом. — И уже вдогонку произнес:

— Только помните уговор: не болтать!

Ребята неохотно повернули к лагерю. Но прежде, чем разойтись, договорились, где они снова встретятся.

* * *

После обеда ребята в условленном месте появились почти одновременно.

— Вот что, Вова, — сказал Виктор, увидев товарища, — мы должны полететь вместе с Дмитрием Анатольевичем,

— Правильно! Я тебе и сам хотел это предложить. Спрячемся в машине и будем помогать ему. Только знаешь, не дрейфить!

— А давай поклянемся, что ничего не испугаемся, — предложил Вова.

Мысль эта понравилась Виктору. Он отошел в сторону и сорвал длинный стебель крапивы.

— Клятву надо закрепить болью, — пояснил он.

Через минуту у забора уже звучали торжественные слова:

«Клянусь не ныть и не дрейфить, клянусь не отступать перед трудностями и всегда доводить до конца начатое дело. Если же я нарушу клятву, то пусть никогда не получить мне голубого значка Клуба!»

Затем ребята стегнули друг друга по руке крапивой, подули на обожженные места, и клятва была скреплена.

(Продолжение следует)

СПОЗРАНКУ ВЫХОДИМ ИЗ ДОМА

Началось с того, что однажды в школу зашел председатель колхоза. Он собрал учеников 6-го и 7-го классов и рассказал, что в колхозе нехватает людей. Труднее всего на скотном дворе, там мало рабочих. В день коровам нужно шестьсот ведер воды. Приходится воду носить из колодца, вручную. Доярки сбились с ног.

Ребята слушали внимательно. Им и до этого приходилось работать в колхозе: делали торфоперегнойные горшочки, пропалывали кукурузу, во время покоса подвозили сено на волокушах к стогам. Но все это было временным, случайным и больше похожим на развлечение.

Сейчас председатель разговаривал с ними, как со взрослыми. Разве могли ребята отказать в помощи? После уроков побежали домой пообедать и переодеться. Ровно через час в школу пришли Вера Маркова, Люба Климина, Стасик Панчуков, Люба Котова, Гена Макушин, Толя Солдаткин, Нина Силина и другие — все, кто жил в Усадище и деревне Бор, — пятнадцать человек.

Двинулись к черневшей на снегу темными стенами животноводческой ферме. Впереди с пустыми ведрами шла Нина Силина. Стасик Панчуков на ходу отбивал на ведре марш.

Старшая доярка тетя Паша встретила ребят особенно приветливо.

— На экскурсию пришли? Смотреть-то не на что...

— Мы помочь пришли, — солидно сказал Гена Макушин. — Нас председатель просил.

— Помогать?.. — тетя Паша оглядела школьников. — Ну, если помогать, то становитесь к колодцу.

Тетя Паша набирала воду. Ребята вдвоем брали ведро и несли его в коровник. Колючий, сухой, как песок, снег резал лицо. Коченели руки, на варежках и на лапах пальто намерзала ледяная корка.

— Не робей, братцы!.. подбадривал Стасик Панчуков. — Это вам не геометрия в теплом классе!

Все смеялись: Стасик с геометрией не в ладах. Ребята работали до тех пор, пока не наполнили водой весь бак.

Потом забрались в кормокухню, грелись, сушили у плиты рукавицы, и тетя Паша угостила всех парным молоком.

На скотный двор стали приходиться каждый день. Носили воду, подвозили корм, раздавали его, чистили коровник, меняли подстилку.

Так пионеры взяли шефство над животноводческой фермой.

Это было три года назад. Нина Силина, Гена Макушин, Вера Маркова, Стасик Панчуков, Света Бородулина и другие пионеры уже в комсомоле. Они учатся в восьмом и десятом классах: Усадищенская семилетняя школа стала десятилетней. Комсомольцы организовали молодежную бригаду и трудятся на колхозных полях. На скотном дворе их заменили пионеры.

За это время в колхозе построили новую животноводческую ферму, просторную, с подвесной дорогой. Носить воду из колодца теперь не нужно — на ферму проведен водопровод.

Но работы хватает ребятам и сейчас.

...Фируза Куризаде спозаранку вышла из дома. Около правления колхоза, на скамейке у крыльца, еще никого не было. Но вскоре подросли Лида и Валя Макушины, Нина Бородулина, Галя Тихонова.

Девочки подходят к обнесенному невысокой изгородью загону. Телята на прогулке. Они бегают, смешно задирая хвосты, играя, толкают друг друга. Увидев девочек, телята окружают их. Даже дремавшая в углу загона ленивая Ряпушка поднимается на ноги.

Приласкав животных, девочки спешат в телятник. Еще вчера они договорились сделать здесь генеральную уборку.

Набрав в ведро теплой воды, взяв тряпки, девочки начинают мыть перегородки клеток.

Нина и Галя скребут пол щетками, Лида и Фируза моют и вытирают насухо. Самая младшая — Валя Макушина — ушла в другое отделение помогать телятницам. Там маленькие телята — в возрасте до месяца.

Несколько человек идут за опилками и соломой для подстилки.

Но вот все закончено. Фируза придирчиво оглядывает помещение. Она старшая в звене, ей предстоит отчитываться за работу.

Случаются, однако, и неприятности. Однажды к Фирузе прибежала взволнованная Валя Макушина. В руках у нее было бутылочка с молоком.

— Ой! Я его кормила... А он съел!

— Что съел?! Кого кормила?! — набрасываются девочки.

Выясняется, что Валя поила бычка Валета, и тот проглотил соску.

Валя готова расплакаться.

Все спешат к Валету. Он доверчиво смотрит на девочек и помахивает хвостом с черной кисточкой. Потом, подойдя к Фирузе, забирает в рот ее палец и начинает сосать.

— Ой, вдруг Валет умрет?! — всхлипывает Валя.

— Ничего с ним не будет, — говорит старшая телятница. — Сегодня ветеринар придет, если надо, даст лекарство.

Она посылает пионеров на кормокухню пропечь овсяное молоко. Девочки заняты своим делом, но нет-нет, то одна, то другая бежит к Валету проверить, холодный ли у него нос, не замутились ли глаза. Но все обошлось благополучно.

Хорошо работает пионерское звено Фирузы Куризаде!

В прошлом году юные животноводы Усадищенской школы обратились ко всем пионерам и школьникам Волховского района с призывом взять шефство над молодняком. Этот призыв был подхвачен ребятами многих школ.

СОДЕРЖАНИЕ

Снова в школу. Стихи Л. Хаустова. Рисунок Н. Бутровой	1
Высота. Рассказ А. Виноградова. Рисунок А. Нарасика	2
Дети Албании. Стихи Петрита Мезеги. Перевел Игорь Ринк. Рисунки Р. Хасиевой	5
Катя и Крокодил. Отрывок из киноповести Н. Гернет и Ягдфельда	6
Корабли Иры Курденковой.	10
Школьники управляют машинами. Очерк А. Котовщиковой. Рисунок М. Каманцева	11
Загадка Рудника Зеленого Дракона (продолжение). Рисунки В. Сердюкова	12
Обитатели Антарктики. Рассказывает проф. П. В. Ушаков. На вклейке рисунок В. Свешникова	15
Под парусами в неизведанные края. На вклейке рисунки В. Свешникова	17
В музее Ленина. Фото А. Фидровского	18
Ватага из Сан Лоренцо. Повесть М. Арджилли (продолжение). Перевод с итальянского А. Горского и С. Полтавского. Рисунок Н. Петровой	19
Великое противостояние Марса. Очерк проф. Н. Сытинской. Рисунки В. Свешникова	29
Вертячка. А. Шевченко	31
О чем рассказывает картина художника Цзянь Чжао-хе. На вклейке воспроизведена картина Цзянь Чжао-хе	32
Страничка друзей книги. На вклейке рисунок Л. Подляской	33
Иит Великанов. В. Бианки	34
Морская газета. (выпуск № 3)	36
Рассказ об одном альпинисте. Очерк А. Садовского. Рисунки П. Кондратьева	38
Сербские сказки. Перевод с сербского Н. Цветинович-Грюнберг. Пересказала для детей А. Любарская. Рисунки Р. Власова	42
Шашки. Б. Герцензон. Рисунки Ю. Лобачева	44
Клуб смелых изобретателей и отважных ребят. А. Бразоль. Рисунки Е. Косяковой и Р. Гальба	45
Спозаранку выходят из дома. Очерк А. Орлянского	47
На обложке рисунок А. Пахомова „Завтра в школу“.	
На 2-ой стр. обложки фото А. Бродского „Два штурмана“.	
На 3-ей стр. обложки Лу Синь.	
На 4-ой стр. обложки „Юннаты постарались“. Рисунок Ю. Лобачева.	

Редактор Н. Ф. Григорьев

Редакционная коллегия: В. М. Кочашевич, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Г. М. Сосечкова, В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Е. Л. Шзари, Е. М. Шереметьева, Ю. А. Эшман.

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Ответственный секретарь
И. В. Теребинская

Технический редактор
И. И. Рычков

Корректор В. Г. Любичкая

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, наб. Кутузова, 6, тел. Ж 3-23-63, комм. Ж 3-72-11 и Ж 3-72-12.

М-37284. Подписано к печати 28/VIII. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Печ. л. 6+2 вкл., усл. 5,41, уч.-изд. 6,6. Тираж 100 000 экз.

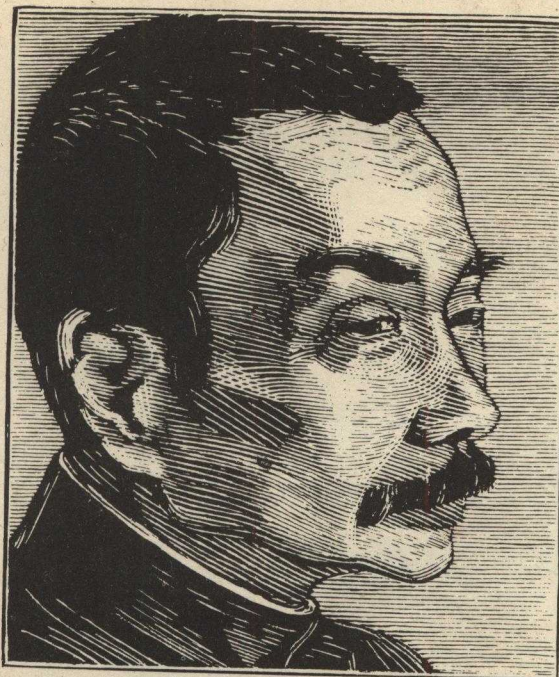
Заказ № 1331

Цена 2 р. 50 к

4-я типография им. Евг. Соколовой. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ЛУ СИНЬ

К 75-летию со дня рождения

Это было в Японии во время русско-японской войны. Аудиторию медицинского института заполнили студенты. Шел киносеанс. На экране появилась группа арестованных китайцев. Один из них был связан. Японские солдаты собирались казнить пленника как русского разведчика.

В зале среди студентов находился юноша-китаец с умным и тонким лицом. Он смотрел на экран и поражался, как безучастно и покорно его соотечественники-китайцы ожидали страшного зрелища. У них совсем нет чувства национального достоинства!

Этот студент-медик был Чжоу Шу-жень, впоследствии великий писатель, известный миру под псевдонимом Лу Синь. Молодой Лу Синь постоянно сталкивался с бесправием и отсталостью своего народа. Он избрал профессию врача, чтобы лечить бедняков, бороться с невежеством у себя на родине. Но вскоре убедился в тщете своих усилий. „Первой необходимостью является духовное возрождение народа, а лучшим средством для него—литература“,—писал Лу Синь. И он решил посвятить себя литературе.

Издавна в Китае существовало два рода литературы — „народная“ и „ученая“. Образованные чиновники презирали народную литературу за несложность ее языка. А „ученая“ литература была непонятна народу. Всю жизнь Лу Синь боролся за новую, народную литературу.

В ряде своих рассказов Лу Синь выступает против несправедливости в старом Китае. Рикша из рассказа

„Маленькое происшествие“ нечаянно сбил старую женщину. А когда бросился ее поднимать, то вызвал недовольство седока: из-за какой-то старухи—задержка! Но простой рикша благороднее этого важного барина. Он потерял заработок, зато доставил женщину в больницу.

В рассказе „Родное село“ автор встречается с другом детства — крестьянином Жунь-ту. Когда-то они вместе росли, играли. Но теперь перед крестьянином — образованный господин, и бедняк Жунь-ту не

смеет держаться наравне с ним. Былая дружба исчезла, появились отчуждение и неприязнь. И автор с горечью осознает, что в существующем обществе люди из-за различия сословий враждебны друг другу.

Но Лу Синь верит в лучшее будущее своих героев. Вот как заканчивает он рассказ „Родное село“: „Мечта — это не то, что уже существует, но и не то, чего не может быть. Это, как на земле, — дороги нет, а пройдут люди, проложат дорогу...“

Лу Синь не только мечтал о свободном и счастливом Китае, он и боролся за свою мечту. По словам товарища Мао Цзэ-дуна, — „Лу Синь был самым безупречным, самым отважным, самым решительным, самым преданным, самым пламенным, невиданным дотоле национальным героем, который, представляя большинство народа, штурмовал позиции врага на фронте литературы“.

Умер Лу Синь в 1936 году.

Портрет Лу Синя — гравюра работы М. Пикова. Иероглифы (верхние) — название книги; нижние — подпись писателя.

南腔北调集
鲁迅

ЮННАТЫ ПОСТАРАЛИСЬ